Графиня по вызову

Автор:
Ольга Куно

Графиня по вызову

Ольга Александровна Куно

Известная авантюристка Аделина славится не только острым умом и смелостью, но еще и способностью обводить вокруг пальца самых сильных и высокопоставленных врагов, кем бы они ни были: маркизами, герцогами, даже принцами. На сей раз ей предстоит сыграть роль жены графа. Но что-то ей подсказывает: клиент не так прост, как кажется. Но обворожительная Аделина не привыкла пасовать перед трудностями: ведь ей под силу даже выиграть в карты право свободно входить в королевские покои! Кто же ее новый противник? Кардинал? Маг? А может быть… неожиданная соперница? В любом случае приключения, опасности и бурная страсть очаровательной авантюристке гарантированы…

Ольга Куно

Графиня по вызову

© Куно О., 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Глава 1

– Итак. – Я внимательно посмотрела на собеседника, сидевшего с противоположной стороны письменного стола. – Лорд Ортэго, теперь, пожалуйста, расскажите мне еще раз суть вашего дела, с начала до конца и в подробностях. Насколько я поняла, вы желаете нанять меня, чтобы я поехала с вами в Эрталию и на протяжении месяца играла там роль вашей жены?

– Совершенно верно.

Если графа Армана Ортэго и раздражала моя дотошность, он не подал виду. Либо он действительно отдавал себе отчет в том, что в подобном деле обладание точной информацией необходимо, либо идеально скрывал свои эмоции, что для дипломата совершенно неудивительно.

– Я прибыл в Ристонию с дипломатической миссией, – принялся он рассказывать по порядку. – Теперь эта миссия окончена, и я собираюсь вернуться на родину. Сразу по приезде мне предстоит посетить некое мероприятие… Точнее сказать, целую серию мероприятий, которая растянется примерно на месяц. Обстоятельства складываются так, что на протяжении этого времени все должны думать, будто я женат. Более того, моя жена должна сопровождать меня в этой поездке.

Я слушала и потихоньку разглядывала своего собеседника. Высокий, поджарый, с хорошей фигурой, темноволосый, кареглазый. Одет с иголочки, гладко выбрит. Удобно устроился на стуле, закинув ногу на ногу и опираясь локтем о спинку. Эдакий небрежно-расслабленный вид при обсуждении, без сомнения, важной для него темы. Весьма характерно для дипломата. Не подавать виду, что ты уязвим, находишься в непривычной для себя ситуации и испытываешь в связи с этим определенную неловкость.

– Где именно состоятся упомянутые вами мероприятия? – осведомилась я.

– Во дворце герцога Кальво.

Я многозначительно приподняла брови.

– Если не ошибаюсь, то герцог Кальво является двоюродным братом самого короля Боливера?

– Да, он близкий родственник эрталийского монарха, – нехотя подтвердил Ортэго.

Похоже, он был не в восторге от того, что я подняла эту тему. Оно и понятно: одно дело небольшая авантюра с переодеванием в каком-нибудь захолустном городке. И совсем другое – в герцогском дворце, в присутствии наиболее влиятельных особ государства. Не каждый на моем месте рискнет ввязаться в подобную историю. Деньги деньгами, но рисковать головой не хочется никому.

– Кстати, лорд Ортэго, – проговорила я, прищурившись. – А какова суть упомянутых вами мероприятий и кто именно будет на них присутствовать?

Я не собиралась облегчать графу задачу. Вполне вероятно, что я соглашусь на его предложение, однако сначала мне надо знать все подробности предстоящего дела.

– Навестить герцога приехал король с частью своего двора, – признался Ортэго. – Его сопровождает принц. В их честь проводится череда мероприятий – балы, охота и тому подобное. Правда, насколько мне известно, его величество, в отличие от принца, не большой любитель светских развлечений. Как и сам герцог. Так что, вероятнее всего, встречаться с ними вам почти не придется, хотя, конечно же, вначале вы будете представлены – как минимум герцогу.

Я задумчиво постучала кончиками пальцев по столешнице из красного дерева, принимая к сведению новую информацию. Опустила взгляд на дорогую чернильницу, выполненную в форме ящерицы с длинным извивающимся хвостом. Крышка легко откидывалась, являя два расположенных внутри сосуда с чернилами. Рядом аккуратно расположились футляр для перьев, чистые листы и нож для бумаг. Однако все это оставалось нетронутым, будучи скорее декорацией, нежели необходимостью. В делах того рода, какими занималась я, было нужно запоминать и опасно – записывать.

– Итак, моя задача: изображать вашу жену в высшем свете Эрталии. –
Я не без удовольствия проследила за тем, как граф поморщился: он-то стремился избежать столь точной формулировки. – И какой же именно образ вас

интересует? Вы хотите, чтобы ваша жена блистала или, напротив, вела себя, как серая мышка?

Лоб графа разгладился: по моему вопросу он понял, что я не собираюсь отказываться от его предложения, по крайней мере пока.

– Это не имеет значения, – ответил он, вновь принимая более расслабленную позу. – Важен сам факт: я прибуду туда вместе с супругой.

– Кстати, а по какой причине? – поинтересовалась я. Между прочим, не последний по важности момент. – Почему вы должны непременно прибыть в гости к герцогу с женой?

Ортэго вздохнул и чуть раздраженно поджал губы. Однако раздражение было в данном случае направлено не на меня.

– Герцог Кальво – довольно своеобразный человек, – принялся пояснять он. – Со своими странностями. Возможно, вам известно, что у него есть дочь, Лидия Кальво, которой совсем недавно исполнилось восемнадцать лет.

Я неопределенно повела плечом. Мне приходилось слышать, что у герцога есть ребенок, кажется, действительно дочка, но не более того. До сих пор у меня не было причин столь подробно интересоваться высшим светом Эрталии.

– Супруга герцога умерла много лет назад, и Лидия – его единственный ребенок, – продолжал Ортэго. – Полагаю, это до определенной степени объясняет его странности. Одним словом, он в высшей степени рьяно оберегает свою дочь. Я бы даже сказал, маниакально. Он почти не выпускает ее в свет, хотя не смог отказать ей в праве на первый бал. Но впечатление складывается такое, что первый бал стал и последним. Герцог безумно боится, что кто-нибудь соблазнит его дочь, но больше того, он безумно боится, что кто-нибудь на ней женится. И держит ее чуть ли не взаперти. Якобы намерен дождаться, пока она вступит в более зрелый возраст, и уж тогда выдать ее замуж, подобрав жениха по собственному усмотрению. А до тех пор вход в его дом практически закрыт холостым мужчинам. Вдруг кто-нибудь сумеет обойти все преграды и уведет дочку. – Граф развел руками и качнул головой, мол, да, понимаю, все это – несусветная глупость, но я за герцога не в ответе. – Я вообще удивлен, что он согласился принимать у себя во дворце такое количество гостей. Но даже сейчас

он настаивает на том, чтобы гости мужского пола были исключительно женатыми и, более того, прибыли во дворец вместе со своими супругами. Видимо, для того, чтобы те проследили за мужьями. Мне же очень важно попасть во дворец. Вот, собственно говоря, и все.

Ну, это он думает, что все. А мне хочется знать еще очень много всякого.

– А почему вам так важно попасть во дворец?

Я, не моргая, встретила взгляд графа, делая вид, будто не замечаю его недовольства. Ортэго немного помолчал, то ли раздумывая, отвечать ли на мой вопрос, то ли решая, что бы соврать.

– Я хочу получить политическую должность в Эрталии, – произнес он наконец. – Говоря точнее, войти в эрталийский альтинг[1 - Альтинг – парламент. (Прим. автора.)]. Я молод, однако государством приветствуется нахождение в альтинге людей, представляющих разные поколения политиков. Знаний у меня достаточно, опыт тоже есть, положение в обществе – подходящее. Но мне не хватает связей. Увы, я долгое время жил в провинции и просто не успел обзавестись достаточным числом важных знакомств. Затем служил за границей. А получить подобную должность без соответствующих связей в высшем свете Эрталии практически невозможно. Нынешний визит короля дает мне возможность обзавестись полезными знакомствами и, если повезет, даже успеть сойтись поближе с нужными людьми. Но для этого мне необходимо оказаться в числе гостей, а из-за странностей герцога последнее невозможно, если я не приведу с собой супругу. Надеюсь, вас удовлетворили мои объяснения?

«И не кажется ли вам, что вас вовсе не касаются такие детали?» – добавлял при этом его взгляд.

«Отнюдь, – ответили мои собственные глаза. – Кто знает, в какую авантюру вы собираетесь меня втравить?»

Авантюры – это, конечно, некоторым образом моя специальность, однако я намерена принять решение осознанно. Не люблю играть вслепую и по чужим правилам. А в данном случае меня не покидало ощущение, что посетитель чего-то недоговаривает. Сдается мне, не только альтинг заставил его обратиться к специалисту моего профиля.

– Ну что ж, если мы договоримся, я постараюсь поспособствовать тому, чтобы нужные люди пожелали вас продвинуть, – улыбнулась я. Одно из главных правил работы с людьми: рассердив клиента, постарайся его задобрить. Как говорится, тебе все равно, а ему приятно. – Жена нередко играет в этом процессе не последнюю роль. Итак, осталось обсудить еще несколько нюансов. – Я перешла на прежний деловой тон. – Верно ли я полагаю, что нас поселят во дворце в одних покоях?

– Разумеется. – На сей раз Ортэго не колебался и с ответом не медлил. – Мы ведь будем изображать семейную пару.

Я кивнула.

– В таком случае хочу уточнить сразу, дабы избежать недопонимания впоследствии. Я буду изображать вашу жену при посторонних. Но не в постели.

Светская улыбка слегка смягчила жесткость моего тона. Ортэго казался не то чтобы расстроенным, скорее удивленным. Видимо, не ожидал от женщины моего рода деятельности подобного ультиматума.

– У вас такие высокие моральные устои? – сыронизировал он.

– Мои моральные устои – самые что ни на есть низкие, – лучезарно улыбнулась я в ответ. – Но я не торгую своим телом. С кем и когда ложиться в постель, я решаю только сама.

– Меня это полностью устраивает, – не стал продолжать словесную дуэль Ортэго.

– Рада, что мы поняли друг друга. – Еще одна лучезарная улыбка. – Кстати, в этой связи еще один вопрос. Вправе ли я изменять вам в течение этого месяца или же в мои обязанности входит играть роль абсолютно верной супруги?

Забавно. Ортэго колебался. Он явно не знал, что мне ответить.

– Пожалуй, стопроцентная верность не требуется, – через силу, словно по-прежнему не избавившись от сомнений, проговорил он затем. – Достаточно

будет избегать огласки и действовать в меру осторожно – как поступают все.

Я отвела взгляд, скрывая таким образом пробудившееся любопытство. Казалось бы, самым естественным в этой ситуации было бы ответить: «Конечно, я настаиваю на стопроцентной верности». Нет, нельзя сказать, чтобы моральный облик супруги являлся ключевым фактором в продвижении по политической карьерной лестнице. Тут было важно другое – профессиональные навыки, ораторское искусство, опыт и – превыше всего – те самые связи, об установлении которых и беспокоился в данный момент молодой граф. И тем не менее почему бы не добавить себе лишний плюс в качестве репутации главы идеального семейства? Н-да, что-то тут нечисто. В принципе, тем лучше для меня. Голод на протяжении целого месяца не идет на пользу хрупкому женскому здоровью. Однако следует учесть такую странность. Чего-то этот Ортэго определенно недоговаривает. Хотя чего еще ожидать от дипломата?

– Как вы собираетесь объяснить обществу последующее исчезновение вашей супруги? Отправите ее навестить родственников в Ристонии, а затем получите печальное известие о ее безвременной кончине? – Мои губы изогнулись в ироничной ухмылке.

– Вероятнее всего, да, – подтвердил Ортэго. – Впрочем, я еще над этим думаю. Существует менее драматичный вариант: я могу получить развод.

– Это очень сложно, – не одобрила альтернативу я.

– Сложно, но осуществимо, – не согласился Ортэго. – Я сумею представить дело так, чтобы мне поверили. Я опасаюсь другого: что слухи дойдут до тех, кто якобы давал мне разрешение на развод. Выйдет, мягко говоря, неловко. Конечно, высшее духовное собрание заседает не в Эрталии. И все-таки определенный риск существует. Одним словом, я еще раздумываю над этой проблемой. Но я ее решу.

И все-таки он темнит. Определенно что-то скрывает. Нет, это не повод отказываться от дела, но мне придется быть осторожной. Такие клиенты бывают порой плохо предсказуемы.

– Ну что ж. – Я небрежно погладила по голове ящерицу-чернильницу. – В таком случае теперь ваш черед, лорд Ортэго. Я вижу, вас что-то смущает. Что именно?

Граф одобрительно хмыкнул. Его удивление заставило меня улыбнуться. Да, я хорошо разбираюсь в мимике. И отнюдь не интуитивно. Можно сказать, я обучалась этому искусству профессионально, хотя ни в одном институте благородных девиц таких уроков, разумеется, не дают.

– Как мне следует говорить – максимально вежливо или предельно откровенно? – ухмыльнувшись, осведомился Ортэго.

– Разумеется, откровенно, – откликнулась я. – Мне необходимо знать, что вас беспокоит. А умеренную невежливость я как-нибудь переживу.

– Ну хорошо. – Граф согласно склонил голову. – Видите ли, мне рекомендовали вас как высококлассного и редкого специалиста, который сумеет идеально справиться с такой задачей. Меня заверили, что вы без труда вольетесь в высшее общество и даже в присутствии самого короля станете вести себя как рыба в воде. Но я смотрю на вас, и, простите… мне сложно в это поверить. Вы слишком не похожи на светскую леди. У вас совершенно другие манеры, и даже одежда… Простите, но, говоря откровенно, вы выглядите скорее как синий чулок.

Я позволила себе короткую ухмылку. В том, чтобы бросать взгляд на собственную одежду, не было нужды: я и так отлично представляла свой нынешний образ. Длинное строгое темно-синее платье с узкой юбкой и верхом, сшитым наподобие мужского жилета. Разумеется, с добавлением рукавов, тоже узких и длинных, увенчанных ничем не примечательными манжетами. Синий чулок? Конечно. К слову, чулки к этому платью действительно прилагаются синие – а какие же еще?

– Простите, граф, мне надо отлучиться на несколько минут. – Я виновато улыбнулась. – Надеюсь, вы не будете возражать? Не скучайте, чувствуйте себя как дома.

Я окинула комнату беглым взглядом, приглашая посетителя осваиваться. Ненадолго задержалась на портрете узколицего мужчины в парике. Художник, у которого я приобрела эту картину, рассказывал, что использовал в качестве натурщика первого попавшегося нищего, которого одел в костюм аристократа. Дескать, он с кем-то поспорил, что портрет, нарисованный с ряженого нищего, ничем не будет отличаться от портрета благородного человека. Спор он

выиграл. А нищему заплатил за работу бутылкой дорогого коньяка. Эта история настолько меня позабавила, что я не смогла пройти мимо картины. Приобрела ее, повесила в своем доме и, когда посетители интересовались, является ли этот респектабельный мужчина моим предком, многозначительно улыбалась.

В кабинет я вернулась минут через десять. Ослепительно улыбнулась ошарашенному Ортэго, как раз стоявшему напротив портрета, подбежала к нему на носочках, описав по комнате полукруг в подобии танца, и, взяв его под руку, прощебетала:

– Дорогой, я только что получила письмо от кузины Лизетты! Ты знаешь, она в полном восторге от той шкатулки, которую мы подарили ей на именины! Пишет, что все ее подруги, увидев эту вещицу, зеленеют от зависти.

Я весело рассмеялась, поведя оголенными плечиками. Ортэго по-прежнему таращил глаза. Высокая прическа, из которой игриво выпадал один темный локон, открывала взгляду изящную шею. Белое платье, расшитое крупными цветами модного светло-коричневого оттенка, облегало высокий бюст и осиную (не без помощи корсета) талию, а затем, расширяясь книзу, спускалось почти до самого пола. Квадратное декольте было настолько глубоким, насколько позволяли приличия (то есть весьма), лишь едва прикрывая корсет. «Лодочки» на высоком каблуке максимально обнажали стопу, как и было принято в высшем свете. В руке я держала роскошный белоснежный веер, состоявший из длинных пушистых перьев.

– Еще она пишет, что все до сих пор вспоминают изумрудное колье, которое ты подарил мне на свадьбу. Арман, пожалуйста, – я молитвенно сложила руки, – пожалуйста, подари мне серьги к этому колье!

– Но, дорогая, – снисходительно улыбнулся Ортэго, вступая в игру, – у тебя ведь уже есть изумрудные серьги!

– Да, но это совсем не то. – Я обиженно поджала губки, а затем наклонила голову и улыбнулась, прикрывая подбородок, что на языке веера являлось знаком кокетства. – Те серьги совсем другие. А я уверена, что твой ювелир сможет сделать намного лучше.

– Ну хорошо. – Ортэго страдальчески вздохнул, после чего рассмеялся. – Раз ты так хочешь, закажем тебе новые серьги.

– Дорогой, ты – чудо!

Мой веер раскрылся в знак одобрения. Встав на цыпочки, я поцеловала графа в щеку. От него пахло весьма приятным парфюмом.

– Ну как, вы удовлетворены? – осведомилась я, отходя к столу и резко меняя тон.

– Более чем, – склонил голову Ортэго.

– Прошу вас.

Я жестом предложила ему садиться и тоже вернулась на свое прежнее место за столом.

– Что ж, в таком случае, давайте теперь обговорим материальную сторону дела, – бодро предложила я. – Я готова принять ваше предложение, и это будет стоить пятьсот золотых. Плюс расходы.

– Сколько?!

Я совершенно бесстрастно наблюдала за тем, как глаза Ортэго расширились, а затем полезли на лоб.

– Но это же целое состояние! – возмутился граф.

– Не для такого человека, как вы, – возразила я, по-прежнему не впечатленная его реакцией. – К тому же вы сами сказали, что я – редкий и высококвалифицированный специалист. Мои услуги стоят дорого. А ваше дело не такое уж простое. Придется все бросать, ехать за границу. Очень тщательно готовить легенду – так, чтобы она сработала, даже если меня захотят проверить весьма серьезные люди. Как ни крути, присутствие во дворце короля и наследника усложняет работу и существенно увеличивает риск. Если обман раскроется, за такое, сами понимаете, по головке не погладят.

Ортэго смотрел на меня довольно-таки кисло. Он понимал: все, что говорю, разумно, но все еще не мог смириться с названной мною суммой.

– К тому же жизнь нынче недешевая, а я, как видите, привыкла жить хорошо, – ничуть не стесняясь такого признания, добавила я и в знак подтверждения указала на ящерицу – пример моей любви к дорогим вещицам. – Нет, конечно, вы можете отправиться на Каштановую улицу и снять там первую попавшуюся девицу, – усмехнулась я. – Она возьмет с вас за весь месяц не больше двадцати золотых, причем за эти деньги будет изображать вашу супругу как днем, так и ночью. Вот только ни то, ни другое не выйдет убедительно.

– Ладно, будем считать, что вы меня уговорили, – проворчал Ортэго. – Хотя я все еще считаю, что это самый настоящий грабеж.

– Адекватная плата за неординарные услуги, – с улыбкой поправила я. – И смею заверить, наше сотрудничество принесет вам пользу. Я отношусь серьезно не только к оплате.

– Хочется в это верить, – пробормотал Ортэго, все еще не до конца простивший мне «грабеж».

– Ах да, чуть не забыла.

Я вышла из-за стола и отвернулась, якобы рассматривая растущую в кадке пальму. Платье, сшитое на заказ отличной портнихой, выглядело как самое обычное, но в действительности застегивалось всего на несколько прятавшихся в ткани крючков. Сейчас я быстро расстегнула эти крючки и обернулась к Ортэго, скидывая платье. После чего прошлась по комнате, с удовольствием наблюдая за тем, как граф меняется в лице. Белая шелковая камиза, едва касающаяся колен, тончайшие чулки и туго обтягивающий грудь корсет. Туфли на высоком каблуке я также не стала снимать. Немного взъерошив вьющиеся черные волосы, я прошествовала к столу и принялась задумчиво рассматривать содержимое ящика.

– И что же все это означает? – полюбопытствовал граф, который, несмотря на мрачность тона, не отводил взгляда от моей фигуры.

Я улыбнулась, разом теряя интерес к ящику.

– Теперь я убедилась, что ты способен держать себя в руках. Все-таки нас поселят в общих покоях, а мужа и жену придется играть даже перед слугами. Так что спать в бальных платьях я не собираюсь. Да, кстати, нам следует перейти на «ты», чтобы привыкнуть к такому обращению до прибытия во дворец. Насколько мне известно, супруги, говорящие друг другу «вы», в Эрталии – нонсенс. Было бы очень обидно споткнуться на такой ерунде.

– Любопытно, и что же, ты всех клиентов проверяешь подобным образом? – внял моему призыву Арман.

– Нет, – рассмеялась я. – Мне просто захотелось посмотреть на выражение твоего лица.

Он смущенно отвел глаза и пренебрежительно фыркнул. Все еще веселясь, я накинула платье и застегнула крючочки.

– Ну что ж, – вернулась к сути разговора я, – когда нам следует выезжать?

– Через несколько дней, – охотно откликнулся Арман, кажется испытавший чувство облегчения, когда беседа приняла более традиционное русло. – Мне нужно закончить кое-какие дела и все подготовить.

– Отлично. Этого времени мне хватит, чтобы обеспечить себе хорошую легенду. Родители, титул, город детства и тому подобное. Комар носа не подточит.

– А если кому-нибудь взбредет в голову это проверить?

– Не сомневайся: все подтвердится в лучшем виде. Поймать меня за руку еще никому не удавалось. Разоблачить нас в течение такого короткого срока, как месяц, не сможет никто. – Я задумчиво сжала губы. – Дочь барона тебе подойдет или ты видишь в этом мезальянс? Не хотелось бы забираться слишком высоко: чем громче титул, тем труднее запутывать следы.

– Дочь барона – это отлично, – проявил демократичность Арман.

– Ну что ж, в таком случае, кажется, осталось самое последнее. Мне нужны деньги на новые платья.

Я многозначительно потерла друг о друга подушечки пальцев правой руки.

– Зачем? – нахмурился граф. – Разве у тебя не хватает своих?

Он не менее многозначительно оглядел мой наряд.

– Хватает, – ничуть не смутилась я, – но если речь идет о балах с участием короля и принца, необходимо подготовиться как должно. Платья, которые надевают на такие мероприятия, должны быть с иголочки и соответствовать самому последнему слову моды. Я бы сказала, даже не сегодняшнему, а завтрашнему. Так что…

Не договаривая, я повторила свой прежний жест. Арман нарочито вздохнул, но больше возражать не стал, и из его кошеля на стол перекочевала вполне достойная сумма.

Распрощавшись с графом, пообещавшим письменно известить меня о дне и времени, когда будет подана карета, я прошла в одно из внутренних помещений. Эта комната не предназначалась для визитеров, даже если они попадали в категорию приятелей, а не клиентов. Рассеянно проведя пальцем по каминной полке, я прошла по светлому ковру и остановилась напротив бюро. Лицевая сторона многочисленных ящичков была окрашена в мягкий оттенок розового. Рисунки, настолько мелкие, что даже неясно, как с ними справлялся художник, изображали девушек, идущих с кувшинами к реке, охотников с псами, а также пастухов и пастушек, присевших отдохнуть на зеленой лужайке. Такие же узоры украшали высокие ножки. Это бюро, изготовленное по специальному заказу, было чрезвычайно удобным. Оно не только позволяло хранить бумаги в должном порядке, но и помогало сохранять секретность, поскольку многие ящички здесь запирались, причем каждый – своим собственным способом. Было и несколько потайных, совершенно незаметных тому, кто не знал об их существовании изначально.

Впрочем, говоря откровенно, слишком уж тайных и компрометирующих бумаг здесь не водилось. Главное правило конспирации: не хочешь, чтобы письмо нашли, – пускай его не существует. Все остальные методы недостаточно надежны. Я неуклонно следовала этому правилу. Однако теперь следовало

разобраться с теми бумагами, которые все же хранились в моем доме, и выяснить, какие из них взять с собой, какие на всякий случай сжечь, а какие – со спокойной совестью оставить на месте.

Как-никак я уезжала из страны надолго, вполне вероятно, на значительно больший срок, чем месяц. Предложенное Арманом дело обещало быть интересным: мне нравилась перспектива на время погрузиться в хитросплетения высшего света. К тому же мне предстояло получить за него хороший гонорар. Однако главная причина моего согласия заключалась не в этом. Поездка за границу была сейчас как нельзя кстати. До меня дошла информация, что граф Кэмерон Эстли, на протяжении последних пяти лет – правая рука короля Анри Пятого, а может быть, и правая и левая, вместе взятые, – заинтересовался моей скромной персоной. Это было чрезвычайно досадно. Людям моего образа жизни предпочтительно не привлекать внимание таких, как он. И главное, я ведь не сделала ничего особенно противозаконного! Подумаешь, выиграла у барона Малено в карты право заходить в личные покои короля! Я же не виновата, что барон сделал такую ставку! Правда, к тому времени у него больше ничего не оставалось. Я успела выиграть все, включая его родовой замок и титул. Но я же не попыталась этим воспользоваться! Не объявила себя баронессой Малено! Право слово, это было бы очень глупо с моей стороны. В этом случае Эстли уж точно схватил бы меня, перекинул через плечо и забрал к себе. Притом отнюдь не из романтических соображений: всем известно, что граф счастлив в браке. Нет, скорее мне предстоял бы очень серьезный допрос, а что дальше – трудно предсказать заранее. Впрочем, тот факт, что я не воспользовалась собственным выигрышем, не сильно помог. Граф вознамерился выяснить, кто я такая, и меня разыскать. А значит, пришло самое время покинуть Ристонию. Пускай все немного поутихнет и успокоится.

Проведя пару часов за разбором бумаг, я отправилась к портнихе. С фасонами платьев и цветом ткани мы определились быстро. Я неплохо представляла себе, чего хочу, она же была настоящим профессионалом. Мои пожелания в сочетании с ее советами – и все решения были приняты без проволочек. Работать моя портниха и ее помощницы умели быстро, и платья были готовы в срок. Они не только соответствовали последнему слову моды, но и обладали некоторыми дополнительными свойствами – такими, например, как многочисленные потайные карманы.

Ну что ж. Жаль, конечно, оставлять дом, не имея стопроцентной уверенности в том, что я смогу сюда вернуться. Но такова цена, которую приходится платить

за мой приятный во многих отношениях образ жизни. Порой перемена мест оказывается необходима. Да и вообще, пора расширять горизонты. А значит, здравствуй, Эрталия!

Глава 2

Эрталия встретила нас теплой солнечной погодой и легким забавным ветерком, подхватывающим плащ и заигрывающим с волосами. Дворцовый фасад впечатлял своей горделивой торжественностью. Внушительных размеров здание было стилизовано под замок. Стены увенчивались многочисленными квадратными зубцами, между которыми, на равном расстоянии друг от друга, возвышались узкие декоративные башни. Наша карета остановилась возле высокого белоснежного фонтана, также украшенного несколькими башенками. Вода сначала падала в верхнюю чашу, затем переливалась через край и с мягким журчанием стекала в нижний бассейн, более объемный.

Нас не вышел поприветствовать ни герцог Кальво, ни его любимая и тщательно оберегаемая дочка. Оно и неудивительно: не будет же хозяин дворца, один из первых людей государства, лично встречать всякого завалящего графа. Тем не менее на пороге нас ожидала целая делегация дворцовых обитателей, включая придворного, который представился как помощник герцога Кальво, дворецкого, а также одетого как аристократ мужчину, который не представился и вообще все время держался в стороне. Мне он сразу не понравился. Слава богу, опыт у меня богатый, так что ищеек я чувствую за версту. Вопрос заключался в том, с какой стати они столь неприкрыто наблюдают за прибывающими гостями. Стандартная практика? Ох, сомневаюсь. Мне, во всяком случае, видеть подобное ни разу не доводилось.

Проходя коридорами дворца, когда нас провожали в отведенные покои, я утвердилась в своих подозрениях. Стражи здесь было определенно больше, чем нужно.

Чрезмерное количество стражей порядка следовало учитывать, однако не могу сказать, чтобы я очень сильно встревожилась. По мою душу все эти люди здесь находиться не могли: не такая уж я большая птица, да и нет на мне ничего достаточно серьезного, чтобы вызвать столь лестное внимание властей

(обыгранный в карты барон не в счет). Вопрос заключался в том, не имеет ли ко всему этому отношения мой мнимый муж. Не мог ли граф Ортэго оказаться замешанным в какую-то чрезвычайно опасную игру и не мог ли он теперь впутать в эту игру меня?

Пока слуги распаковывали вещи, мы отправились осматривать покои, предоставленные в наше распоряжение на ближайший месяц. Здесь было три комнаты: гостиная, куда нас первым делом и привели, а также две спальни. Отдавая дань предпочтениям многих современных аристократов, отдельная комната была предоставлена мужу и отдельная – жене. Учитывая обстоятельства, это вполне меня устраивало, хотя я бы не стала рыдать, вздумай хозяева распорядиться иначе.

Я сосредоточилась на осмотре собственной спальни. Гардины приятного оттенка: желтый цвет плавно переходит в темно-красный. Те же цвета преобладают на ковре. Кровать с балдахином, трюмо. С противоположной стороны – бюро, совсем иное, чем в моем доме. Это было пониже и с меньшим количеством отделений, зато сделано из благородного красного дерева.
Я наугад выдвинула пару ящичков. Не заперты и пусты.

Решетчатая каминная заслонка тоже навевала на мысль о замке: прутья, увенчанные острыми наконечниками, подозрительно напоминали копья.
На каминной полке стояла музыкальная шкатулка. Я взяла ее в руки, чтобы рассмотреть. Хрупкая фарфоровая балерина, такая бледная, будто страдает от чахотки, застыла в прервавшемся на середине танце, подняв руки вверх.
Я завела шкатулку и вернула ее на место. Хм, любопытно. Обычно все эти безделушки играют одну и ту же популярную мелодию, «Серенаду под луной». Но данный экземпляр исполнял совсем другую песенку, хоть и тоже известную. Поинтересовавшись у горничной, я выяснила, что леди Лидия, дочь герцога, коллекционирует музыкальные шкатулки. Она успела собрать полторы сотни экземпляров, в том числе редких и неординарных, и именно ей принадлежала идея расставить такие шкатулки в комнатах для развлечения гостей.

Приняв ванну, я вышла в гостиную в благодушном расположении духа. Арман как раз отпустил камердинера; горничную я отпустила раньше. Прихватив из вазы на столе аппетитное яблоко, я вольготно устроилась на диване.

– Ну, как тебе здесь нравится? – поинтересовался Арман, подсаживаясь ко мне.

В голосе «мужа» звучала гордость: дескать, смотри, как хорошо мы устроились моими стараниями. Я сочла нужным слегка его осадить.

– Жить можно. Ну, я не сомневаюсь, что в собственном замке ты занимаешь более роскошные покои.

Я мило улыбнулась. Он фыркнул, разгадав мои мотивы.

– Во всяком случае, нам выделили отдельные спальни, что весьма удобно, – добавила я на позитивной ноте.

– А если бы не выделили? – хитро прищурился Арман. Разделявшее нас расстояние немного уменьшилось. – Что бы ты стала делать тогда?

Я бесстрастно пожала плечами.

– То же самое, что собираюсь делать и так. – Я, глядя ему прямо в глаза, уточнила: – Спать.

Мои слова Армана не смутили.

– И ты не боишься? – полюбопытствовал он. – Все-таки для всех мы здесь – муж и жена. Что ты станешь делать, если я вздумаю воспользоваться ситуацией?

– Боюсь? – переспросила я. – Вот уж точно нет. А если бы ты надумал воспользоваться ситуацией… – Я всерьез задумалась и наконец честно сказала: – Не знаю. Возможно, тоже воспользовалась ситуацией и получила удовольствие. А возможно, наглядно бы тебе продемонстрировала, что лучше меня не злить. Все зависело бы от того, нравишься ты мне или нет.

– А ты что, до сих пор с этим не определилась? – Похоже, мой ответ Армана позабавил.

Я пожала плечами.

– Вообще-то ты в моем вкусе. – Я склонила голову набок, беззастенчиво разглядывая собеседника. – Мне нравится такой тип мужчин. Темноволосые,

высокие, с хорошей фигурой и в меру наглые. Правда, не в меру наглые мне нравятся больше. Но ты, конечно, не мой принц на белом коне. В крайнем случае на вороном.

Я улыбнулась и хлопнула ладонью по подлокотнику, давая понять, что вердикт вынесен.

– Коня, если нужно, можно и перекрасить, – проникновенно взглянул на меня Арман.

– Оттенок будет не тот, – поморщилась я. – Лучше, знаешь ли, не принц и на вороном, чем принц на белом – но какой-то обшарпанный. Да и потом, можно-то можно, но вот надо ли?

– Может, и не надо, – неожиданно легко согласился он.

И в подтверждение своих слов даже пересел в кресло напротив. Я не преминула этим воспользоваться и вытянула ноги на диване.

– Если романтическая часть вечера окончена, расскажи-ка мне, что ты думаешь об обилии стражи во дворце.

Я сочла, что время для этого вопроса уже настало.

– Считаю, что тому есть какая-то причина, – разом посерьезнел Арман. – Обстановка здесь тревожная. Конечно, приезд короля – всегда непростой период для службы охраны. Но на этот раз, кажется, есть что-то еще.

– И это что-то имеет к тебе отношение?

Я сверлила Армана пронзительным взглядом и отводить глаза не собиралась.

– Нет, – ответил он. Довольно уверенно.

– Точно? – попыталась надавить я. – Видишь ли, Арман, скрывать что-то от меня сейчас бессмысленно. Я уже представилась здесь как твоя жена, следовательно, мы в одной лодке. Если тебя уличат в каком-либо преступлении, в мою

невиновность все равно не поверят. Так что топить тебя мне бессмысленно. А вот знать, что именно происходит, будет очень полезно, поскольку это позволит мне помочь тебе – а заодно и себе – выкарабкаться из передряги.

А кроме того, если ты втемную втравил меня в излишне рискованную игру, я могу и рассердиться, в каковом случае тебе не поздоровится. Но этого я вслух не сказала.

– Нет, Аделина. – Он смотрел мне прямо в глаза. То ли был искренен, то ли хорошо играл. – Я так же, как и ты, понятия не имею, что здесь стряслось. Не исключено, что завтра мы с легкостью это выясним. Наверняка мы не единственные, кто заметил эти странности, стало быть, дворец полнится слухами. Но одно могу сказать абсолютно твердо: к цели моего приезда усиленная охрана отношения не имеет.

Говорил он действительно твердо, хоть и понизив голос: шанс, что кто-нибудь, проходя мимо нашей гостиной, по чистой случайности надумает приложить ухо к скважине, все-таки существовал.

Ну что ж, пока поверим на слово. А дальше поглядим.

На следующий же день после нашего приезда во дворце давался бал в честь его величества короля Боливера Третьего Эрталийского. Мы с «супругом», разумеется, были в числе приглашенных. Именно здесь мы рассчитывали начать обзаводиться знакомствами, а также по мере возможности выяснить, что же происходит во дворце. В течение дня мы успели лишь шапочно познакомиться кое с кем из гостей.

Именно на балу мы были впервые представлены хозяину дома. Герцог Кальво оказался крупным мужчиной лет пятидесяти, с широким подбородком и выдающимися скулами, почти совсем седым. Судя по внешнему виду и манере держать себя, человеком он был решительным, мало оглядывающимся на мнение окружающих и не слишком общительным. Однако сейчас обстоятельства вынуждали его отойти от некоторых своих привычек, и это явно вызывало в нем раздражение.

Тем не менее вымещать оное на гостях герцог не спешил. После того как нас с Арманом представил церемониймейстер, Кальво легонько склонил голову – как того требовал этикет, учитывая его высокий статус.

– А, граф! – Голос звучал ворчливо, но это была скорее манера говорить, нежели проявление неуважения к гостям. – Рад вас видеть. Надеюсь, вы хорошо устроились?

– О да! Благодарю вас, ваше сиятельство, все просто прекрасно! – заверил Арман.

– А вы, графиня? Надеюсь, вам у нас нравится?

Жесткие серые глаза, обрамленные глубокими морщинами, впились в мое лицо. Я скромно улыбнулась.

– О да, ваше сиятельство, все просто восхитительно! У вас удивительный дворец, и мне так понравилась музыкальная шкатулка! У вашей дочери изумительный вкус.

– Да, она у меня увлекается всякой ерундой, – не без удовольствия подтвердил герцог.

Несмотря на сомнительное содержание такого отзыва, дочерью он явно гордился. Даже его лицо стало на время менее суровым.

– Ой! – вдруг недопустимо громко воскликнула я, схватившись рукой за сердце. Герцог нахмурился, а «супруг» был, кажется, готов меня придушить. – Не может быть! Ваше сиятельство, умоляю, развейте мои сомнения: неужели это – Фраско Кинтана?

Я указала на возвышавшуюся по правую руку от нас скульптуру девушки, держащей кувшин.

– Да, это его работа, – не без удивления подтвердил Кальво. – Хотя она не значится в большинстве каталогов. Вы что же, так хорошо разбираетесь в скульптуре?

Ну, в большинстве каталогов она, может быть, и не значится. Зато в любом досье на герцога Кальво непременно будет упомянуто, что его сиятельство обожает скульптуру, в особенности творения рук Фраско Кинтаны, каковых в его дворце насчитывается двенадцать штук. Отыскать их описание совсем не сложно.

– Да, ваше сиятельство, это моя слабость. – Я улыбнулась, скромно опуская глаза, будто смущаясь от такого признания. – А уж работы Кинтаны! Воистину этого человека наградила талантом сама богиня творчества!

– Несомненно, – подтвердил герцог, теперь приглядывавшийся ко мне куда более доброжелательно.

– Вы только подумайте, какая точная работа, какое уважение к деталям! – продолжала ворковать я. – Несмотря на то что эта лента, казалось бы, присутствует в композиции с исключительно орнаментальной целью, она прекрасно дополняет образ, работая на выражение индивидуальности!

Герцог покивал, продолжая присматриваться ко мне с возрастающим интересом.

– О, а вон то панно? – Я повернулась к огромному полотну, на котором был чрезвычайно натурально изображен сад с увитой виноградом беседкой. – Полагаю, это работа Пабло Эскатто?

– Вы совершенно правы, – кивнул Кальво. – Я к этим рисункам скорее равнодушен. Но их очень любит моя дочь. Полагаю, ей будет приятно с вами познакомиться. У вас хороший вкус, а в наши дни это редкость. – Герцог обвел зал с собирающимися постепенно гостями крайне неодобрительным взглядом. – Приходите завтра на женскую половину. Там регулярно собирается компания достойных и благородных дам.

– Благодарю вас, ваше сиятельство. – Я присела в реверансе. – Непременно приду.

– Что за чушь ты несла про орнаментальные цели? – тихо осведомился Арман, когда, покинув герцога, мы прошествовали в глубь зала.

Собственно бал еще не начался. Как и обычно на подобных торжествах, танцы начинались лишь к концу первого часа. Пока же гости неспешно собирались, здоровались и знакомились. Музыканты наигрывали модные мотивы, создавая легкий приятный фон. Лакеи разносили подносы с вином и угощениями. Дамы медленно прохаживались по залу, демонстрируя свои наряды и разглядывая чужие.

– Понятия не имею, – честно ответила я, тоже понизив голос. – Вычитала в какой-то книжке и заучила. Зато теперь герцог наш. Ты ведь хотел завести полезные связи, муженек? Не находишь, что твоя жена заслужила поцелуй в щеку?

– Заслужила, и бесспорно!

Недолго думая, Арман подкрепил свои слова делом. Число устремленных на нас любопытствующих взглядов на время увеличилось. Мы вообще привлекали внимание. Во-первых, для многих присутствующих мы были совершенно новыми людьми. Если у Армана здесь были знакомые и даже несколько приятелей, то меня все видели впервые. К тому же и парой мы были красивой. Арман отлично выглядел в темно-сером камзоле, интенсивно расшитом серебром, из-под рукавов которого выглядывали манжеты белоснежной рубашки. Вообще-то я не слишком люблю серый цвет, но данный оттенок действительно смотрелся весьма благородно. Штаны были того же цвета, что и камзол. Картину весьма удачно дополняли высокие сапоги и белый шейный платок.

На мне было платье моего любимого цвета – насыщенного зеленого, изумрудного оттенка. Открытый корсаж, широкая юбка благодаря контрасту подчеркивает тонкую талию, золотое шитье, оплетающее платье ненавязчивым узором, хорошо сочетается с основным цветом. Узкие рукава плотно облегают руки от плеча до локтя, а затем резко расширяются, что позволяет, приподняв руку, продемонстрировать нежную кожу на предплечье.

Изумрудное колье и такие же серьги якобы подарены любящим мужем. Белый веер висит на специальном обвивающем запястье шнурке, что оставляет свободными обе руки. Серые глаза томно взирают из-под объемных черных ресниц.

– Ну что ж, рассказывай, кто здесь есть, – предложила я, когда мы остановились возле того самого панно работы Пабло Эскатты. – На кого стоит обратить

внимание?

Я принялась плавно обмахиваться веером, заинтересованно оглядывая зал. Взгляд сам собой остановился на седовласом мужчине среднего роста, на вид ровеснике герцога, одетом в длинную темно-бордовую сутану.

– Это, как ты понимаешь, кардинал Эрталии, его высокопреосвященство Леандр Монтерей. – То ли Арман проследил за моим взглядом, то ли самостоятельно счел, что этот человек заслуживает первенства. – Правая рука короля, хотя и себе на уме, человек весьма проницательный, властный и жесткий. С ним, как ни с кем другим, следует держать ухо востро.

Я кивнула. В принципе, комментариев Армана не требовалось: все было понятно и так, по одному только взгляду на кардинала. Не обманывал и тот факт, что его высокопреосвященство держался ненавязчиво, даже скромно, и по большей части стоял в стороне, не распоряжаясь, не вмешиваясь в разговоры и регулярно улыбаясь приветствующим его придворным.

– А это, – Арман коснулся моей руки и тихонько развернул мои пальцы, указывая направление, в котором смотреть, – наследный принц Эрталии, Рикардо Дельтаго. Единственный сын Боливера Третьего.

Я с интересом присмотрелась к высокому и, на мой вкус, излишне худому мужчине с узким лицом, облаченному в темные панталоны и бордовый камзол, немного напоминавший своим оттенком сутану кардинала. Взгляд задержался на длинных пальцах и крупном рубине на одном из перстней. Для дани моде все же слишком броско; должно быть, это семейная реликвия.

– У принца слава любителя развлечений. Они с друзьями – завсегдатаи увеселительных заведений, репутация пары из которых основательно хромает, – продолжал просвещать меня Арман. – Рикардо любит попойки с приятелями, охоту, тесное общение с прекрасным полом.

– Что-то не похоже, – проговорила я, с сомнением глядя на принца.

Бледный цвет лица, напряженность во взгляде, скорбный изгиб губ. Рикардо Дельтаго не производил впечатления любителя поразвлечься. Казалось, что присутствие на балу его тяготит или, по меньшей мере, не приносит радости.

Будто в подтверждение слов Армана, принц и его спутник громко рассмеялись, едва последний закончил рассказывать его высочеству какую-то историю. Судя по выражению их лиц, наверняка это было что-то непристойное. Смеялись эти двое громче, чем допускает дворцовый этикет, но ведь для принцев любые ограничения условны. Однако и тут я лишний раз убедилась в собственной правоте. Принц хоть и смеялся, но без огонька, и смех его оборвался очень быстро. После этого на лице не осталось даже тени улыбки, словно он вовсе не веселился секунду назад. Скорее смеялся по инерции, осознавая, что в подобных ситуациях люди смеются.

– Возможно, он успел остепениться, – пожал плечами Арман. – Я, как-никак, видел его мало, особенно за последний год. Большую часть времени меня не было в Эрталии.

– Любопытно, – тихо, обращаясь скорее сама к себе, проговорила я.

Не верю в то, что люди меняются. Во всяком случае, без очень веской причины.

– Рядом с ним – Ринольд Этьен Монтерей, – возобновил представление присутствующих Арман.

Теперь он говорил о высоком, широкоплечем молодом мужчине, только что рассказавшем принцу шутку и по-прежнему весело ухмылявшемся. Черные волосы, широкие скулы, более смуглая, чем у его высочества, кожа. Белизна небрежно повязанного шейного платка контрастирует с темным тоном камзола. Привлекателен, отлично эту привлекательность осознает и последнего не скрывает.

– Постой-ка… Монтерей? – переспросила я. Вроде бы я эту фамилию только что слышала. – Он, часом, не родственник ли кардинала?

– Племянник, – подтвердил Арман. – Насколько мне известно, они состоят в неплохих отношениях. Кроме того, он лучший друг принца.

– Хорошо устроился: протекция со всех сторон, – заметила я.

– Да уж, у этого бы сложностей с попаданием в альтинг не возникло, – со вздохом признал мой «муж». – Но он туда и не рвется. Вот так несправедлива жизнь.

Я с ухмылкой покосилась на Армана. Ни особо несчастным, ни снедаемым зеленой завистью он не казался.

– Приятелей у принца много, – продолжал граф, – но этот – самый близкий. Еще со времен эркландской военной кампании, когда они с Рэмом сражались бок о бок.

– С кем? – не поняла я.

– С Монтереем, – пояснил Арман. – Друзья называют его Рэм.

– Почему Рэм, если он Ринольд?

– Ринольд. Этьен. Монтерей, – с показной терпеливостью произнес Арман.

– А-а-а, – протянула я и пренебрежительно закатила глаза. – Боже, как изысканно.

– Насчет изысканности не знаю. Но насмехаться над ним мало кто рискнет. Миньон – один из лучших фехтовальщиков Эрталии. Пожалуй, с ним может поспорить только маркиз Рагийский, сын герцога Монварода. Герцог – дальний родственник короля, но его здесь нет. У этого семейства не слишком теплые отношения с Боливером. Впрочем, как я слышал, они еще приедут во дворец, чтобы выразить королю свое почтение. Но не сегодня.

– А это кто? – поинтересовалась я, когда к принцу с Ринольдом подошел еще один молодой человек.

Этот был блондином. Светлые волосы то и дело падали на лицо, и он зачесывал их назад пятерней. Золотистый камзол с коричневым узором надет поверх коричневого жилета.

– Велэско Диас, – откликнулся Арман. – Тоже приятель принца. Не такой близкий друг, как Рэм, но вместе покутить – самое оно. Унаследовал от отца виконтство. Мы с ним немного знакомы. Человек он неплохой, но легкомысленный. Карты, вино, красивые женщины. Не столько даже красивые, сколько, я бы сказал, с изюминкой. Ну а когда много выпьет, то и без изюминки сойдет.

Я спрятала усмешку за раскрывшимся веером. И встретила взгляд светло-голубых глаз Диаса. Тот что-то коротко сказал принцу и обрадованно поспешил к нам с «супругом».

– Арман, дружище! – воскликнул он, пробираясь к нам через толпу осматривающих зал гостей. – Вот так сюрприз! А я думал, ты все еще в Ристонии!

Шагнув к нему навстречу, Арман ответил на энергичное рукопожатие.

– Я вернулся совсем недавно, – объяснил он.

– А что это с тобой за фея? – поинтересовался Диас, приветственно мне улыбаясь.

У него была очень открытая улыбка, да и вообще он производил впечатление человека жизнерадостного, бодрого и не слишком обремененного размышлениями о несовершенстве жизни. То есть данная Арманом характеристика снова себя оправдывала.

– Ну же, Арман, познакомь нас скорее! – воскликнул Диас. – Представь меня своей восхитительной спутнице.

Я вознаградила комплимент кокетливой улыбкой.

– Графиня Аделина Ортэго, моя жена, – представил меня Арман. – Дорогая, прошу любить и жаловать, это мой хороший друг виконт Велэско Диас.

Я усмехнулась про себя, мысленно отметив, как человек, с которым Арман «немного знаком», превратился в «хорошего друга».

– Очень рада, виконт.

Я протянула руку для поцелуя, и молодой человек с удовольствием припал к ней губами.

– Для вас просто Велэско, – сказал он затем. – Однако, Арман, ну ты и хитрец! Когда ты успел жениться? Ничего никому не сказал! Впрочем, тут ты прав: такую красавицу могли бы и отбить.

Он послал мне очередную озорную улыбку.

– Мы познакомились в Ристонии, там же и поженились, – рассмеявшись, ответил Арман. – Поскольку мне было пора возвращаться в Эрталию, я не хотел затягивать со свадьбой, отсюда такая поспешность.

– И ты был совершенно прав, впрочем, кажется, я это уже говорил. – Велэско наградил меня еще одним восхищенным взглядом. Стремления соблазнить чужую жену тут не было, скорее просто дань уважения эффектной женщине. – Пойдемте, я познакомлю вас со своими друзьями.

Последние слова были произнесены не без гордости. Еще бы, ведь в друзьях ходил сам принц.

Следуя за Велэско, мы приблизились к Рикардо Дельтаго и его спутнику.

– Ваше высочество, позвольте представить вам моего старинного друга…

«Ого! Уже и старинные друзья», – мысленно усмехнулась я.

– …графа Армана Ортэго с супругой.

Представлять принца не было нужды, да и по правилам не полагалось. Арман поклонился, я присела в низком реверансе, отлично чувствуя, как мужские взгляды скрестились на моем декольте.

– Это большая честь для нас, ваше высочество, – заверил, оторвавшись от зрелища, Арман.

– Рад знакомству, господа.

Принц галантно поцеловал мне руку, хоть и не обязан был этого делать в силу своего статуса.

– А это граф Ринольд Монтерей, – представил Велэско.

– Рад знакомству, – склонил голову Арман.

– Взаимно.

Теперь я приседать в реверансе не стала: представленный и без того в прошлый раз заглядывал в пикантную зону с более откровенным интересом, чем остальные. Просто протянула руку для поцелуя, и Рэм прикоснулся к ней губами.

– Граф и графиня совсем недавно поженились в Ристонии, – «наябедничал» Велэско.

– Примите мои поздравления, – вежливо произнес принц.

– Благодарю вас, ваше высочество, – ответил за двоих Арман.

– Отчего именно в Ристонии? – полюбопытствовал Рэм.

Я посмотрела на его лицо и сразу же встретила испытующий взгляд зеленых глаз. Надо же, какой редкий цвет. Как раз под мое платье.

– Я родом из Ристонии, – пояснила я. – А мой супруг – дипломат. Он приезжал ко мне на родину с дипломатической миссией. Сказать по правде, я ничего в этом не смыслю, – доверительно улыбнулась Велэско я. – Но, кажется, это называется именно так. Все сослуживцы Армана в один голос утверждают, что он отличный дипломат.

– И, видимо, они правы, – заметил принц. – Вам, граф, следует выдать медаль за заслуги перед отечеством. Ведь вы похитили из Ристонии и перевезли в Эрталию такую жемчужину. И при этом не нарушили ни одного закона. Именно так и должен поступать дипломат.

Велэско рассмеялся шутке, я с ложной скромностью опустила глаза.

– И давно вы прибыли в Эрталию? – спросил Рэм.

– О, совсем недавно, – откликнулась я.

– Можно сказать, попали с корабля на бал, – подхватил Арман.

– Как же вы познакомились?

– О, это очень романтическая история!

Я приготовилась декламировать основательно зазубренный рассказ.

– Прошу меня простить, графиня, но ваша история точно не окажется романтической, – с усмешкой заметил Рэм.

– Отчего же? – удивилась я. – Разве вы ее слышали?

– Нет, – беспечно откликнулся он. – Но мы уже знаем, что она заканчивается свадьбой. А истории, которые заканчиваются свадьбой, теряют на этом всю романтичность.

– Не обращайте на графа Монтерея внимания! – с ухмылкой призвал принц. – Он очень любит казаться циничным.

– Вот как. – Я стрельнула в Рэма любопытным взглядом. – Что вы, ваше высочество, я ни в коем случае не обижаюсь. Люди, которые стараются казаться циничными, обычно обладают тонкой душевной организацией, весьма сентиментальны и необычайно ранимы. Их чувства необходимо щадить.

Принц расхохотался так громко и весело, что я впервые была готова поверить той характеристике, которую дал ему Арман. Сейчас этот человек действительно выглядел как любитель мирских развлечений. Велэско тоже посмеивался. А вот сам Рэм лишь криво усмехнулся, но при этом наградил меня внимательным взглядом. «Ты мне за это ответишь», – говорили зеленые глаза,

смотревшие так, как совершенно не подобает смотреть на замужних женщин. Я ответила светской улыбкой.

Если граф Монтерей и собирался ответить на мой выпад, то не успел. Церемониймейстер несколько раз ударил жезлом в пол, привлекая внимание присутствующих. Едва голоса смолкли, как он торжественно объявил:

– Его величество Боливер Третий Дельтаго, милостью богов король Эрталии!

Мужчины застыли в поклоне, дамы – в реверансе. Король вошел в зал быстрым и совершенно не церемонным шагом. Рассеянно кивнул паре человек, остановился, оглядываясь, и, завидев его высочество, направился прямо к нам.

Должна сказать, что внешне король был человеком довольно невзрачным. Сорокапятилетний мужчина среднего роста, с брюшком, которое, по-видимому, начало проявляться с возрастом, и пока еще черными, но начинающими седеть волосами. Если бы не регалии, мало кто обратил бы на него внимание в толпе. Однако сейчас корона, мантия, да и вообще все одеяние не оставляли ни малейших сомнений касательно его статуса. К тому же короля сопровождало несколько человек, включая как придворных, так и охрану. Кардинал незаметно присоединился к свите и теперь следовал за королем, сцепив перед собой пальцы рук.

– Я вижу, вы уже здесь, сын мой, – произнес Боливер, по-королевски игнорируя присутствие всех, кроме принца. – И, полагаю, намереваетесь задержаться до самого конца бала?

В его голосе мне почудилось неодобрение. Странно. Бал дается в честь короля; отчего бы его единственному сыну и наследнику не прийти к началу и не уйти в конце?

– Не убежден, – пожал плечами Рикардо, определенно не без раздражения. – Посмотрим, как пойдет. Вы знакомы с графом и графиней Ортэго? Граф – подающий надежды дипломат, его супруга – уроженка Ристонии.

Я снова присела в реверансе. К списку мужчин, заинтересованно заглядывавших в мое декольте, прибавился эрталийский монарх.

– Возможно, граф уже был вам представлен, – заметил принц.

– Истинно так, ваше высочество, – с поклоном подтвердил Арман. – Два года назад, на Зимнем балу в столице.

– Да-да, кажется, припоминаю.

Король сопроводил эти слова дежурной улыбкой. Ничего подобного он, конечно, не припоминал.

– Сын мой, надеюсь, вы проводите меня к герцогу, – снова обратился он к принцу.

Тот послушно склонил голову, и оба они направились в ту часть зала, где приветствовал гостей герцог Кальво. Рэм и Велэско, не сговариваясь, последовали за принцем.

Вскоре после того, как король, герцог и принц, заняв подобающие им места, негромко о чем-то побеседовали, церемониймейстер возвестил о начале бала. Первым танцем, как и обычно, был полонез.

– Вы позволите вас пригласить, дорогая супруга? – протянул мне руку Арман.

– С радостью, милый супруг, – приняла приглашение я.

Ведущую пару составили король и какая-то женщина лет тридцати. Когда я спросила, кто она такая, Арман лишь пожал плечами. Во всяком случае, она не являлась ни королевой (Боливер был вдовцом), ни официальной фавориткой. Как и прочие танцующие, мы стали двигаться по кругу вслед за его величеством и его партнершей. Движения неспешны и степенны. Расправленные плечи, идеальная осанка. Левый носок, правый носок, левая стопа.

– Ну как, ты доволен ходом бала? – осведомилась я.

Полонез, часто именуемый шествием, столь степенен и продолжителен, что вообще способствует разговорам.

– Чрезвычайно, – подтвердил Арман.

Однако выглядел он, напротив, неудовлетворенным. И то и дело бросал взгляды по сторонам, будто искал кого-то в зале, но не находил.

– Что-то не так? – поинтересовалась я.

– Нет-нет, все прекрасно.

Ну что ж, если клиент считает, что его проблемы меня не касаются, спорить не буду.

– Я так тщательно продумывала трогательную историю нашего знакомства, – посетовала я минуту спустя, – а этот миньон все испортил. Так и не дал мне рассказать ее принцу.

– Жалеешь, что не успела поделиться с его высочеством должной порцией романтики? – тихо усмехнулся Арман. – Отчего? Принц произвел на тебя столь сильное впечатление?

Подошло время следующей фигуры танца. Король с партнершей дошли до середины зала и повернули налево. Следующие пары последовали за ними, и вскоре танцующие сформировали колонну, частью которой стали и мы.

– Смотря что ты имеешь в виду, – откликнулась я, устремив взгляд на принца. Тот шествовал впереди, ведя в танце некую графскую дочку, вроде бы тоже новенькую в эрталийском высшем свете. – Чисто внешне, пожалуй что, нет. К примеру, ты нравишься мне больше. Я уже говорила, что ты в моем вкусе. Но, согласись, в шансе завести интрижку с принцем крови есть нечто привлекательное. Представь себе, что на его месте была бы принцесса. Ты бы устоял? Уж если бы выпала столь редкая возможность?

«Супруг» неопределенно хмыкнул.

– За интрижку с принцессой недолго попасть на эшафот, – справедливо заметил он. – Вам, женщинам, в этом отношении проще.

– Пожалуй.

Было весьма занятно вести с ним такую беседу. Что самое любопытное, ни обиды, ни дискомфорта она в партнере не вызывала. Будто я болтала с братом или, скажем, кузеном.

Продолжить разговор не получилось: танец развел нас по разным сторонам зала. Дамы и кавалеры вышагивали теперь отдельно.

Когда же мы снова сошлись, нас почти сразу рассоединил принц.

– Вы позволите пригласить вашу даму? – осведомился он, обращаясь к Арману.

Вытянув шею, я увидела, что на месте Рикардо с его недавней партнершей теперь танцует Рэм.

– Ну конечно, ваше высочество, – вежливо уступил Арман.

Менять партнеров во время полонеза позволялось и некоторым образом даже приветствовалось. Танец длился долго – порой тридцать и даже сорок минут, – и далеко не всем хотелось проводить столь продолжительное время с одним и тем же человеком. Ну и, само собой, желание принца – закон. Так что Арман, моим мужем не являвшийся и инстинктов собственника в отношении меня не испытывавший, выбыл из рядов танцующих без малейших моральных метаний. Вскоре я заметила, что он шествует рядом с другой дамой, видимо, выставив из колонны очередного бедолагу.

– Надеюсь, вы на меня не в обиде за кратковременную разлуку с мужем, миледи? – улыбнулся принц.

Легкое приседание, за ним, напротив, полное распрямление. Взлет, компенсирующий падение.

– Ну что вы, ваше высочество. – Опускаю глаза. – Для меня это большая честь.

– Я еще не задал вам непременного вопроса местного жителя, – усмехнулся Рикардо. – Как вам нравится в Эрталии?

– О, чрезвычайно нравится, – заверила я.

– Непременный ответ гостя, – хмыкнул принц. – А как насчет искреннего ответа?

«А как насчет искреннего вопроса?» – чуть было не парировала я. Но – нет, с принцами так не разговаривают.

– Ваше высочество, можете не сомневаться, я говорила совершенно искренне. Мне действительно все здесь нравится. От вида из окна и до партнеров по танцам.

– И вы совсем не скучаете по родине?

– Пока нет. Возможно, это прозвучит несколько бездушно, но такова правда. Думаю, при таком количестве новых впечатлений у меня еще просто не было времени заскучать. У герцога такой прекрасный дворец. Великолепные произведения искусства, удивительный сад. А уж про бал я и вовсе молчу. Нет, ваше высочество, пока я не скучаю. Однако не сомневаюсь, что в будущем мне захочется навестить родину и встретиться с близкими людьми. Думаю, я буду уезжать туда время от времени. Муж уже сказал, что не станет возражать против таких поездок.

Отчего бы заблаговременно не подготовить почву для последующего исчезновения, уж коли мне выпадает сейчас такая возможность?

– Это весьма мудро с его стороны. У вас осталось в Ристонии много родных?

Что это, просто светская беседа или стремление мягко выяснить мою подноготную? Так или иначе, ответы на подобные вопросы у меня готовы. В противном случае глупо было бы сюда соваться.

– Нет, ваше высочество. Мои родители умерли, семьи у меня в Ристонии нет.

– Я очень сожалею. Простите, что поднял эту тему.

– Все в порядке. – Я сдержанно улыбнулась. – Моя мать умерла, когда я была еще совсем ребенком. Отец, барон из ристонийской провинции, отправил меня на воспитание в пансион для девочек при монастыре. Недавно он тоже скончался.

Про раннюю смерть матери и баронство отца – правда, хотя и случайное совпадение. Но мой отец и ныне здравствует – насколько это возможно для человека, пьющего в таких количествах, как он. Я с ним не общаюсь, так что в моей жизни он действительно отсутствует; тем не менее тому, что он жив и здравствует, я рада.

На роль отца графини Ортэго я выбрала недавно скончавшегося барона, владевшего поместьем в одной из малопримечательных ристонийских провинций. Его жена рано умерла. Случилось это еще до того, как барон приобрел данное поместье; к тому же он был человеком нелюдимым и мало общался с соседями. В итоге вокруг его образа стали ходить всевозможные слухи – в частности, про дочь, которая якобы была у барона и которую он отчего-то отослал из дома. Правды никто не знал; подозреваю, что и дочери-то никакой не существовало. Зато проверить мою легенду было очень непросто, тем более что монастырские пансионы традиционно не раскрывали информацию о своих ученицах. Так что если меня и возможно было уличить во лжи, то для этого потребовалось бы весьма продолжительное расследование, которое совсем непросто вести на территории другого государства. И заняло бы оно уж точно значительно больше месяца.

– Так что близких родственников у меня в Ристонии не осталось, – заключила я. – В основном друзья.

– Это тоже важно, – заметил принц.

– Безусловно.

Далее разговор прервался. Мы с Рикардо не разошлись, а, напротив, объединились с еще одной парой и некоторое время танцевали вчетвером, сомкнув вытянутые руки.

– Вы позволите, ваше высочество? – послышалось спустя всего минуту после того, как четверки расформировались и танцующие продолжили двигаться

в парах.

– А, Рэм. Если дама не возражает, – откликнулся принц.

– А если дама возражает? – решила повредничать я.

– Если не ошибаюсь, вы обещали щадить мою тонкую душевную организацию, – усмехнулся Рэм, неспешно двигаясь рядом с нашей парой – но обыкновенной, даже небрежной походкой, а не торжественным шагом полонеза.

– И в самом деле, – сокрушенно «припомнила» я. – Мне следовало быть более осторожной в своих обещаниях.

Тяжко вздохнув, я виновато улыбнулась его высочеству. Рассмеявшись, принц выпустил мою руку.

– Надеюсь, вы оба получите от танца удовольствие.

Теперь рядом со мной вышагивал Рэм.

– Вы всегда танцуете с теми же женщинами, что и его высочество? – едко спросила я.

– Совсем наоборот, – ни капли не смутился миньон, – это его высочество танцует с теми же партнершами, что и я. Он знает, что я хорошо разбираюсь в женщинах и на мой вкус можно положиться.

– Неужели? Однако же со мной первым танцевал именно принц, а вовсе не вы, – указала я на логическую неувязку.

Но друга принца не смутило и это.

– Его высочество просто проследил за моим взглядом. А я рассматривал вас с немалым интересом.

Можно подумать, я этого не заметила!

– Вы ведь, несомненно, в курсе, что вы – чрезвычайно красивая женщина, леди Аделина?

Риторический вопрос. Для того чтобы мужчины воспринимали женщину как красавицу, она прежде всего должна считать себя таковой сама. Все остальное приложится. Но не говорить же ему этого напрямик! Тем более, подозреваю, Рэм из тех мужчин, которые и сами отлично это знают.

– По-моему, вы забываетесь, граф. – Строгому тону противоречил лукавый взгляд. – Спешу напомнить, что я замужем.

– Ваш муж нисколько мне не мешает. А вам?

Однако. Этот наглец умеет формулировать вопросы. Если я отвечу «да», получится, будто муж мне мешает. Если скажу «нет», это фактически будет означать, что я готова на интрижку. Хороший прием, ничего не скажешь. Надо будет взять его на вооружение.

– А мне любопытно: откуда у вас столь отрицательное отношение к институту брака? Вы что же, боитесь женщин?

– Вообще-то нет. Но вас начинаю побаиваться.

– И совершенно правильно делаете.

– Вы находите? А я-то как раз вознамерился перебороть этот страх.

Рэм смотрит на меня с высоты своего роста, и в глазах плещется азарт, которого он и не думает скрывать. Азарт, увы, вещь заразная, и я понимаю, что мой собственный взгляд отвечает ему той же монетой.

– В самом деле? И как же вы намерены бороться с этим чувством?

– Для начала хочу узнать вас получше.

Мы разошлись, чтобы почти сразу же встретиться. Его правая рука тянется к моей, легкий поклон – и мы опять отдаляемся друг от друга, чтобы на сей раз

сойтись в танце с чужими партнерами. Затем он возвращается и подает мне руку.

– Итак, может быть, мы перестанем обсуждать мою персону? Давайте поговорим о вас, – предложил Рэм, когда мы продолжили танцевать в паре.

– О чем же именно? – полюбопытствовала я.

– О чем угодно, – беззаботно откликнулся он. – Ну, например, как вам нравится в Эрталии?

– Вы неоригинальны, граф, – откровенно поморщилась я.

– Неужели принц и тут меня опередил? – наигранно посетовал Рэм. – В таком случае, может быть, расскажете мне о Ристонии? Например, откуда вы родом?

– Это небольшая провинция, вряд ли вы о ней слышали. Она называется Энкатта. Рассказывать о ней, признаться, особенно нечего.

– Но вы ведь не прожили в этой провинции всю жизнь?

– О нет, я немало ездила по стране.

– Отлично. В таком случае расскажите мне о других ее достопримечательностях.

– А разве вы там не бывали?

– Увы. Знакомство с заграничными городами у меня как-то не сложилось.

– Вы что же, никогда не выезжали за пределы Эрталии? – умилилась такой неискушенности я.

– Ну почему же, не совсем. Выезжал. Три года назад мы вместе с его высочеством посетили Эркландию. Очень хотели взглянуть на достопримечательности, даю вам слово джентльмена.

– И что же вам помешало?

– Всякая ерунда. Пушки, мушкеты, сабли и прочие глупости. Мы трижды пытались пробиться поближе к столице – и к достопримечательностям, – но нас отбрасывали к границе. Потом пришлось переместиться на нашу территорию, потом мы снова пробились в Эркландию… А когда дело, казалось, пошло на лад, правители вдруг взяли, да и подписали мирный договор. Так что до достопримечательностей мы все-таки не добрались. – Рэм тоскливо вздохнул. – Не повезло.

– Зато повезло достопримечательностям.

У него идеально выбрито лицо. Здоровая, гладкая, загорелая кожа. Наверное, очень удобно давать пощечину: рука даже не оцарапается о щетину…

Зеленые глаза озорно блеснули.

– Вы считаете нас такими варварами?

– Нет, мне просто интересно, что мог делать на поле боя красивый избалованный папенькин сынок вроде вас. Вы хоть раз обнажили оружие? Или исключительно прятались за чужими спинами?

Я послала ему чарующую улыбку.

– Вы попали в точку. Я прятался за спиной у принца, – развеселился Рэм. – Знаете, я только для этого и взял его с собой в ту кампанию.

Я опустила глаза, невольно усмехнувшись. Даже визуально трудновато было представить себе эту картину: как-никак Рэм значительно шире в плечах, чем его высочество. А учитывая славу одной из первых шпаг Эрталии – если, конечно, верить рассказу Армана…

– Вы в самом деле считаете меня папенькиным сынком? – осведомился он чуть погодя.

– Ну, дядиным племянником, какая разница? – просияла я.

– Вот как. Ну что ж. Как минимум вы находите меня красивым. Или тут слух мне изменил?

– Отнюдь. Вы действительно красивы. – Я даже не думала опускать глаза или хотя бы деликатно покраснеть при таком утверждении. – Но вам совершенно нечем гордиться, – продолжила я, привнося в комплимент заранее подготовленную ложку дегтя. – В этом нет ни капли вашей заслуги.

Шествовавшая перед нами пара, дойдя до конца зала, повернула направо. Мы, в свою очередь, повернули налево и продолжили движение в колонне.

– Я имею привычку пользоваться всеми своими преимуществами, – зачем-то просветил меня Рэм. – В том числе и теми, в которых нет моих заслуг. К слову, это первое правило воина.

– А разве у нас идет война? – захлопала ресницами я.

Длинными, густыми и угольно-черными ресницами. И он определенно их оценил.

– Как знать? – загадочно откликнулся партнер.

В этот момент к нам приблизился Арман, и Рэм незамедлительно уступил право со мной танцевать «законному супругу».

– Что они от тебя хотели? – поинтересовался дипломат после того, как мы немного продвинулись, следуя за шествующей впереди парой.

– Ревнуешь? – не удержалась от шпильки я.

– Имею право, – хмыкнул Арман. – Как-никак, я – твой законный супруг.

– Очень мило, что ты вспомнил о законности, – просияла я.

– Не отвлекайся. Так что же им было нужно?

– Не знаю, – честно ответила я, задумчиво нахмурив лоб. – Трудно так сразу сказать. Быть может, простой флирт. А может быть, они хотят раскусить незнакомого человека. Посмотрим, как пойдет дальше. Месяц только начинается.

Сколь ни удивительно, но вскоре полонез подошел к концу. За ним последовали менуэт и ригодон, которые я танцевала с Арманом. Как-никак следовало поддерживать легенду о том, что мы – молодожены. Затем я удалилась из зала, намереваясь найти поблизости тихую комнатку, по возможности – с зеркалом, где можно было бы немного привести себя в порядок. Поправить прическу, добавить пудры, расправить оборки на платье. Если зеркала в помещении не найдется, не беда: маленькое зеркальце было у меня при себе в небольшой сумочке.

Приблизительно представляя себе, как обыкновенно обстоят дела в подобных местах, я вела себя осторожно. Устремив взгляд на ничем не примечательную стену, обогнула пару, страстно целующуюся в тени очередной статуи (надеюсь, они ее не разобьют, поскольку, вероятнее всего, это очередное бесценное произведение искусства). Мимо первой комнаты прошла, даже не проверяя, но успела услышать горячие стоны, подтвердившие мое предположение. Громко кашлянула, приблизившись ко второй, дверь которой была приоткрыта. Резкий стук – видимо, внутри от неожиданности уронили какой-то предмет (надеюсь, что не даму) – известил меня о том, что и здесь тоже занято. Третья дверь была заперта изнутри. В четвертую не в меру активная парочка проскочила перед самым моим носом. Кажется, мужчина был представлен мне как муж и отец семейства, а женщина отнюдь не являлась его супругой.

Не поймите меня неправильно, до моральных устоев эрталийского дворянства мне нет никакого дела. Но я искала комнату для спокойного времяпрепровождения на короткий срок – и никак не могла ее найти!

– Однако же нравы здесь похуже, чем на Каштановой улице! – пробормотала я в сердцах. – Думаю, тамошние девочки были бы рады услышать, что это сравнение определенно в их пользу.

– Увы, целомудрие действительно не является сильной стороной современного эрталийского дворянства, – спокойно произнесли у меня за спиной.

Я вздрогнула и резко обернулась. Кардинал стоял совсем рядом, привычно сцепив перед собой пальцы рук. Как он сумел приблизиться настолько бесшумно? А также быстро: совсем недавно я оборачивалась, и тогда его еще не было в поле моего зрения.

– Ваше высокопреосвященство.

Я склонилась перед кардиналом, и он на мгновение положил руку мне на голову в привычном жесте благословения. В мое декольте он – первым из имевших такую возможность мужчин – не заглянул.

– Полагаю, все это не такой уж страшный грех, когда речь идет о людях, не обремененных семейными узами, – осторожно произнесла я, распрямившись.

Моя интонация была скорее вопросительной, что выражало готовность безоговорочно уступить кардиналу в случае, если он вознамерится оспорить мои слова. Он, однако же, возражать не стал.

– Все это верно. Однако же и люди, обремененные семейными узами, нередко бывают готовы пуститься в подобные приключения. В том числе и те, что присутствуют на сегодняшнем балу. Разве не так?

Пристальный проницательный взгляд, от которого чрезвычайно хочется бежать как можно дальше и без оглядки, не то докопается до того, что спрятано в самых потаенных глубинах сознания. Там, куда и самой-то не хочется лишний раз заглядывать без нужды.

Но я не из тех, кто отступает, так что выдерживаю его взгляд – ровно столько, сколько это допустимо, – затем скромно опускаю глаза в пол.

– Не знаю, ваше высокопреосвященство. Я полагаю, для уверенности в подобном необходимы очень точные сведения, не оставляющие сомнений в грехопадении.

«Не пойман – не вор». Обожаю этот принцип.

– Точные сведения? – Легкая ирония на дне холодных зеленых глаз. – Отнюдь. Для меня достаточно всего лишь посмотреть на человека.

– Ваше высокопреосвященство говорит о магических способностях?

Магов существует не так уж и много, но я не удивлюсь, если кардинал окажется из их числа.

Но нет, кажется, мои слова его позабавили.

– Вовсе нет, – с легкой улыбкой заверил кардинал. – Магия для этого не требуется. Поведение людей. Их взгляды. Этого достаточно, чтобы я мог безошибочно утверждать, кто из них внутренне готов к супружеской измене.

Камень в мой огород? Наверняка. Уж очень внимательно он смотрит. Но до чего же знакомые зеленые глаза! Воистину он очень похож на племянника. Вернее, племянник на него. Даже в свои пятьдесят лет кардинал весьма хорош собой. Воображаю, насколько он был красив в двадцать пять! Любопытно, что заставило этого человека ступить на путь богослужения. Разочарование в любви? Подлинное призвание? Или возможность небывалого карьерного роста?

– Это чрезвычайно завидная способность, ваше высокопреосвященство. – Я снова поклонилась, на этот раз не так низко. – Но, полагаю, это должно быть очень тягостно – постоянно, с такой легкостью, различать вокруг себя людские пороки.

Снова улыбка, сдержанная, но, по-моему, даже не такая уж холодная.

– Это совсем не так страшно, дитя мое. Да, изменять жене или мужу грешно, но это далеко не самый страшный грех из существующих.

– Каков же самый страшный грех? – полюбопытствовала я.

Что он сейчас назовет? Убийство? Или все же преступление против веры?

– Самый тяжелый грех – это государственная измена, – отчеканил кардинал, снова внимательно глядя мне в глаза.

Которые, сказать по правде, после такого ответа округлились.

– В самом деле? – не стала скрывать удивления я. – Странно, я, право слово, не припомню, чтобы так было написано хотя бы в одном из знакомых мне толкований священных книг.

Кардинал тихонько рассмеялся. Очень необычный смех. Даже не знаешь: то ли весело улыбнуться в ответ, то ли бежать за тридевять земель.

– Не обращайте внимания, леди Ортэго, – впервые обратился ко мне по имени он. – У нас, кардиналов, особая религия.

И, как ни в чем не бывало, зашагал дальше по коридору.

В покои вернулись, как и ожидалось, под утро. Я устала настолько, что ванну отложила на потом. Горничная помогла мне раздеться, и, оставшись в предназначенной для сна камизе, я со стоном повалилась на кровать. После того как мы отпустили слуг, Арман постучал по косяку моей двери.

– Можно войти? – спросил он.

Какой интеллигентный: даже не пытается вломиться под предлогом нашего мнимого брака. Сразу видно: дипломат.

– Можно, – отозвалась я, и не думая подниматься с кровати.

Равно как и прикрываться: лежала я поверх постели. Но я ведь подготовила к этому клиента при первой же нашей встрече.

– Ого!

Интеллигентность интеллигентностью, но пропустить такое зрелище Арман не мог.

– Даже не пытайся! – предупредила я.

– Неужели у меня нет никаких шансов? – шутливо осведомился «супруг». – А я-то думал, что после бала твое сердце оттает.

– Сердце оттаяло, зато все остальное тело одеревенело, – отрезала я. – И я настолько устала, что даже приди сюда сейчас сам король, отправила бы его восвояси. – И, еще немного подумав, добавила: – Как ты думаешь, эти слова не тянут на государственную измену?

– А тут все зависит от пожеланий самого короля, – не стал успокаивать меня Арман.

– Короля-то ладно, – махнула рукой я. – Главное – не перейти дорогу кардиналу.

– В высшей степени нежелательно, – согласился «муж».

– Послушай, – я приподнялась на локте, – ты же пришел сюда не для того, чтобы стребовать с меня пару-тройку раз супружеский долг. Признавайся честно: что тебе надо?

– Возможно, ты не поверишь, но я хотел сказать спасибо, – серьезно ответил он. – Ты очень помогала мне сегодня, хотя по нашему уговору совершенно не обязана была этого делать. Я нанимал тебя на роль моей жены, но не для того, чтобы ты продвигала перед принцем и герцогом мои интересы.

– Расслабься, – благодушно откликнулась я. – Я ведь говорила, что наше сотрудничество пойдет тебе на пользу. Это самое меньшее, что я могу сделать, учитывая, что беру с тебя втридорога.

– Втридорога?! – вскинул брови Арман, хотя, готова поклясться, особых страданий это признание ему не причинило. – Ты же утверждала, что это адекватная цена!

– Вовсе нет, – возразила я, перекатываясь на бок. – Я сказала, что жизнь дорожает и что я люблю жить красиво. Ни единого слова лжи. Только не делай рассерженное лицо. Ты же все равно не собираешься требовать пересчета оплаты. Но «спасибо», так и быть, можешь приберечь.

– «Спасибо» мне как раз не жалко, – фыркнул он, собираясь выйти.

– Эй, постой! – окликнула я. И изобразила жалостливое лицо. – Если ты такой не жадный, сделай для меня еще одну вещь.

– Какую?

Арман заметно насторожился. Видимо, понял, что от меня можно ожидать чего угодно.

– Мне лень вставать, чтобы тушить все эти свечи, – капризно сообщила я.

Как-то странно усмехнувшись, он вышел из комнаты. Я подозрительно нахмурилась и даже приняла сидячее положение. Неужто решил повредничать? Или отправился звать слуг? Если последнее, то как бы они не подумали, что им поручат не тушить свечи, а держать…

Однако Арман вернулся быстро и в одиночестве. Если не считать того предмета, который он нес в руках. Очень странного предмета, назначение которого я определить не смогла. Нечто совсем небольшое, раздваивающееся сверху и оттого напоминающее по форме рогатку.

– Дарю. Вместо «спасибо», – заявил он.

– Что это? – опасливо спросила я, принимая протянутый предмет.

– Там на ручке кнопка. Нажми, – предложил он.

Я покосилась на Армана с еще большей опаской. Уж не взорвусь ли я вместе со всем дворцом, выполнив его указание? Впрочем, нет, в этом случае и от самого Армана мало что бы осталось, а на самоубийцу он не похож.

Я надавила большим пальцем на расположенный на ручке кружок, едва различимый на общем фоне. Комната мгновенно погрузилась в темноту, заставив меня вздрогнуть от неожиданности.

– Хм. И в чем фокус? – осведомилась я.

Глаза постепенно привыкали к темноте, и передо мной начал вырисовываться силуэт Армана.

– Гаситель. Работа ристонийских магов, – объяснил он. – Более крупные экземпляры будут использоваться для тушения пожаров. Сейчас они находятся на стадии разработки. А эти, маленькие, с пожаром не справятся, зато с легкостью тушат свечи. Достаточно одного активирования, как ты имела возможность убедиться. Изначально они предназначались для вызова привидений, поскольку при этом в комнате должна гореть только одна свеча. При помощи гасителя можно мгновенно затушить все остальные, даже если их добрая сотня, а уж потом вручную зажечь единственную нужную.

– Разве привидения действительно существуют? – изогнула брови я.

Не люблю верить в то, чего не могу увидеть. Однако жизненный опыт убедил меня, что иногда то, во что не хочешь верить, существует. И, что хуже всего, верит в тебя.

– Не знаю, – пожал плечами Арман. – Лично я в этом сомневаюсь. Но даже если и существуют, мне их вызывать без надобности. Так что дарю. Отдыхай.

Он вышел из комнаты.

Я одобрительно хмыкнула. И быстро погрузилась в сон.

Глава 3

Разумеется, я воспользовалась приглашением герцога и отправилась на следующий день на женскую половину, знакомиться с его дочерью. Во-первых, не прийти было бы невежливо, во?вторых, мне самой было любопытно, а в?третьих, клиент не возражал, даже наоборот, отнесся к такому ходу положительно. Что и неудивительно: полезные связи можно завести не только в мужской среде.

Женской половиной называлась череда комнат, где проводили большую часть своего времени дочь герцога, Лидия Кальво, и ее фрейлины. Близких подруг у девушки, как я слышала, не было, и, попав в данное общество, я достаточно быстро поняла почему. Здесь не оказалось ни одной ровесницы восемнадцатилетней Лидии. Из тех двадцати с небольшим женщин, что разговаривали, читали и вышивали сейчас на женской половине, не более пяти принадлежали к возрастной категории «двадцать плюс». Все остальные были существенно старше; преобладавший возраст – где-то между сорока и пятьюдесятью. По-видимому, таким своеобразным способом герцог заботился о поддержании у своей дочери должного морального облика. Это подтверждалось не только возрастом, но и стилем общения упомянутых дам.

– Как прошел вчерашний бал? – с подчеркнутым и фальшивым безразличием осведомилась Лидия.

– Чудесно, – откликнулась одна из тех гостий, что помоложе.

– Преотвратно, – возразила леди Милони, представительница второй возрастной категории.

Я не могла припомнить, каков ее семейный статус, но словосочетание «старая дева» было буквально написано у нее на лице. Давно заметила, что «старая дева» – это не возраст и не семейное положение. Это диагноз, который бывает порой свойственен как молодым, так и замужним. Правда, практически никогда – счастливым в браке. Не знаю только, где причина, а где следствие. То ли удачное замужество не позволяет женщине превратиться в старую деву, то ли женщины с характером старых дев не способны построить удовлетворительную семейную жизнь.

– Падение нравов в сегодняшнем обществе просто отвратительно, – принялась развивать свою мысль леди Милони, отвечая на удивленные взгляды более молодых женщин. – Во время танцев дамы и кавалеры прикасаются друг к другу совершенно недопустимым образом. К обеду подаются блюда, которые невозможно есть прилично. Кавалеры наблюдают за принимающими пищу дамами и думают совершенно не о том, о чем следует.

Одна из девушек прикрыла лицо веером, а заодно отвернулась, прыснув со смеху. А вот Лидию рассказ фрейлины не развеселил вовсе. В подчеркнуто

вежливом выражении ее лица мне почудилась усталость и выстраданное равнодушие. Такое приходит на этапе, когда злость и раздражение попросту надоели.

– А уж что происходило за пределами бального зала – об этом я и вовсе умолчу, – припечатала напоследок леди Милони.

– И правильно сделаете, – недовольно вмешалась леди Крэнбери, судя по внешнему виду, вполне способная поспорить со своей собеседницей за звание старой девы года. – Вам совершенно не следовало поднимать подобные темы в обществе леди Лидии.

– Я только хотела сказать, что леди Лидия ровным счетом ничего не потеряла, пропустив этот бал, – огрызнулась леди Милони.

– Однако благородной и порядочной девушке вообще не пристало слышать о подобных вещах, – возразила леди Крэнбери.

Лично я в их беседу не вслушивалась и даже не хихикала, как иные юные барышни. Я сосредоточенно пыталась вспомнить, какое именно блюдо произвело на леди Милони столь неизгладимое впечатление. Быть может, подававшееся в качестве десерта сорбе? Воистину каждый видит в окружающем мире лишь то, что занимает его ум. Лично я во время еды была сосредоточена на ее вкусе.

– А я вот думаю, можно ли считать нецеломудренным поведение леди Инберты, – проговорила одна из девушек, поднимая голову от шитья. – Она по очереди танцевала вчера с десятью партнерами.

– С одиннадцатью, если быть точной, – подхватила фрейлина, сидевшая рядом.

– Тем более, – не стала спорить первая. – И при этом ни с одним она не танцевала дважды. Это говорит о ее распущенности?

– Может быть, ни один из них просто не умел как следует танцевать? – предложила собственную интерпретацию я.

– Умение танцевать – далеко не главное качество в мужчине, – наставительно произнесла леди Милони.

– Разумеется, – не удержалась я. – Главная сила мужчины – вовсе не в ногах. Я имела в виду руки, которые держат шпагу, – с расстановкой добавила я, глядя в лицо леди Милони, успевшее покрыться пурпурными пятнами.

– В любом случае данная тема разговора представляется мне неподобающей, – завела старую песню леди Крэнбери.

– Леди Ортэго, может быть, вы расскажете нам немного о Ристонии? – робко предложила та девушка, что прежде подняла «неподобающую» тему.

– С радостью. А что именно вас интересует? – осведомилась я, торопливо откладывая пяльцы.

Леди Милони вручила мне их прямо на входе с таким видом, что я сразу поняла: лучше взять. Беда заключалась в том, что я терпеть не могла портить себе зрение за вышиванием.

– Все, что угодно, – откликнулась девушка, осторожно косясь на леди Милони и леди Крэнбери. Видимо, эти две дамы обладали здесь немалым авторитетом – наверняка, главным образом, волею герцога. – Новости. Сплетни. Мода.

– Охотно, – повторила я. – Вот, например, леди Мирейя Росар, покровительствующая людям культуры, недавно открыла новый театр, который уже пользуется весьма скандальной славой.

– Отчего же скандальной? – жадно спросила одна из фрейлин. Кстати сказать, из тех, что постарше, но, в отличие от некоторых, не имеющая на лице клейма старой девы.

– Дело в том, – объяснила я, для пущего эффекта понизив голос, – что в этом театре играют женщины.

– Как?! – слилось в едином восклицании несколько голосов.

Глаза леди Крэнбери метали молнии, леди Милони была на грани обморока, остальные чувствовали себя прекрасно и жаждали подробностей.

– Именно так, – развела руками я. – В труппе – две актрисы.

– Женщина на сцене, – прошептала леди Милони. – Какой ужас!

– Разврат! – согласилась леди Крэнбери. – Какие же роли они исполняют?!

– Полагаю, что женские.

В холодном и довольно-таки жестком голосе Лидии сквозила ирония.

– Совершенно верно, – подтвердила я. – Не все, конечно: для этого актрис в труппе слишком мало. Однако же отличие от прочих театров налицо.

– И как же власти допустили подобное непотребство? – удивилась леди Крэнбери.

– Взгляды на этот счет разделились, – поведала я. – Действительно были попытки пресечь данное начинание на корню. Но леди Мирейя получила весомую поддержку при дворе. За новый театр заступился сам Кэмерон Эстли.

Женщины изумленно притихли: имя первого после короля Анри человека в Ристонии было известно всем.

– Но как же он мог поддержать такую мерзость?! – воскликнула леди Милони, едва к ней вернулся дар речи.

Я мысленно усмехнулась, отметив, что Кэмерону Эстли, вероятно, было бы глубоко безразлично разочарование, написанное сейчас на лице благородной дамы.

– Насколько мне известно, его супруга была в свое время первой фрейлиной леди Росар, урожденной Альмиконте, – сообщила я. – Возможно, причина кроется в этом. А может быть, дело в принципах самого лорда Эстли. Как знать? Ну а кроме того, новый театр активно поддержала принцесса Лемма. Могу

отметить, что на сегодняшний день леди Эстли является ее первой фрейлиной. Но, думаю, дело не в этом или, по меньшей мере, не только в этом. Ее высочество вообще славится экстравагантностью и любовью к новым и смелым начинаниям.

– Похоже, леди Эстли обладает немалым влиянием при дворе, – заметила одна из слушательниц.

– О да, – согласилась я. – Некоторые люди очень надеялись, что с рождением ребенка она перестанет интересоваться дворцовыми интригами, что предоставило бы им большую свободу действий. Но им не повезло. Когда у леди Инессы родилась девочка, она действительно отдалилась на некоторое время от дворцовых перипетий. Но пять месяцев спустя возобновила свою деятельность, притом вдвое активнее, чем прежде.

Я замолчала, но тишина не оказалась продолжительной.

– Я ездила в Ристонию на лето два года назад, – сказала одна из гостий. – И слышала, что в свое время взаимоотношения леди Мирейи и Кэмерона Эстли были более чем сложными. Поэтому меня удивила упомянутая вами поддержка. Поговаривают, будто он помогал герцогу Альмиконте, когда тот пытался насильно выдать леди Мирейю замуж.

– Мне тоже доводилось об этом слышать, – кивнула я. – Что ж, это говорит лишь об одном: жизнь весьма непредсказуема. Вчерашний враг может превратиться в союзника – и наоборот.

Однако даму, сидевшую по левую руку от меня, похоже, интересовало совершенно другое.

– Герцог Альмиконте пытался выдать свою сестру замуж против воли?! Но… это же отвратительно! – воскликнула она.

– Что вы в этом понимаете? – поморщилась леди Милони. – Что значит «против воли»? Брат подобрал для своей младшей сестры достойного мужа. Я ни секунды не сомневаюсь, что тот прекрасно ей подходил. Наверняка это был положительный мужчина высокого происхождения, обладающий большим состоянием, которое бы предоставило его жене возможность жить в тех

условиях, к которым она привыкла.

– Некоторым образом так оно и было, – подтвердила я. – Я не знакома с леди Мирейей, а вот того жениха, маркиза Дориона, мне видеть доводилось. Сказать по правде, не самый приятный человек, да и умом не блещет. Думаю, я бы на месте леди Мирейи не пришла в восторг.

– Это все ерунда, – скривилась леди Милони. – Блещет или нет… Дело вовсе не в этом. Опекун подобрал ей в мужья достойного, положительного мужчину. А она отнеслась к этому поступку без должной благодарности.

– Ну все, довольно!

Голос Лидии прозвучал неожиданно резко. Эффект это возымело: леди Милони действительно осеклась. Все-таки, как бы ни доверял этой женщине герцог, Лидия Кальво оставалась некоторым образом главным человеком на женской территории. Девушка, однако же, поспешила сгладить впечатление и, улыбнувшись, сказала:

– Признаться, мне немного наскучили разговоры о загранице. Давайте лучше во что-нибудь поиграем.

– Что вы предпочитаете, леди Лидия? – почтительно осведомилась леди Крэнбери. – Фанты? «Живые картины»?

– Шарады? – выдвинула еще одно предложение более молодая гостья.

– Прятки, – твердо заявила Лидия.

– Вы уверены? – как-то не очень одобрительно уточнила леди Милони.

– Совершенно. – Дочь герцога изобразила наивный взгляд. – Откровенно говоря, я немного засиделась.

Признаюсь, я удивилась. В моем представлении прятки являлись сугубо детской игрой, плохо вязавшейся со светскими развлечениями. Право, трудно было представить леди Крэнбери быстро залезающей под кровать, чтобы ее

не обнаружила там леди Милони. Хотя я бы дорого заплатила за то, чтобы на это посмотреть…

Как вскоре выяснилось, определенная, несколько подправленная версия пряток действительно являлась в Эрталии допустимой альтернативой салонным играм. Суть заключается в том, что игра проводилась на сравнительно большой территории, охватывавшей по меньшей мере четыре комнаты. Это позволяло дамам прятаться за ширмами, гардинами или дверьми, что считалось вполне пристойным. Кроме того, некоторые шкафы во дворцах немногим отличались от крохотных комнатушек: порой там даже можно было стоять, не пригнувшись. Это добавляло несколько потенциальных укрытий.

Вопреки моей случайной фантазии, на роль «ищущей» была назначена леди Крэнбери. Леди Милони прятаться, разумеется, не стала; она просто осталась сидеть на прежнем месте, то и дело поджимая губы и думая о своем. Большинство же дам, хихикая, поспешили разбрестись по женской половине.

Я тоже пошла через комнаты, наугад, не слишком торопясь и с любопытством оглядываясь по сторонам. Добрела до одного из наиболее удаленных помещений и, сообразив, что, должно быть, вторглась в чьи-то покои, собралась вернуться. Но тут увидела леди Лидию, как раз открывающую дверцу одного из шкафов. Девушка тоже меня заметила и теперь жестом поманила к себе. Я замешкалась, не уверенная в том, что правильно ее поняла, и Лидия нетерпеливо повторила свой жест. Что ж, более не заставляя себя ждать, я шагнула за ней в шкаф. Мне казалось, что игрокам полагается прятаться в одиночку, но, впрочем, что я знаю про светскую версию этой игры? Тем более что правила никогда не являлись для меня непреодолимым барьером.

Однако тут меня ожидал сюрприз. Едва дверца шкафа захлопнулась, как напротив открылась другая дверь. В ноздри ударил свежий воздух, а в глаза – яркий дневной свет. Сделав всего пару шагов, я оказалась во дворцовом саду.

– Об этом выходе мало кто знает, – пояснила остановившаяся, дожидаясь меня, Лидия. – Пройдет не меньше двадцати минут, прежде чем они догадаются, что я схитрила. Вы ведь не возражаете против того, чтобы немного пройтись?

– Вовсе нет, – ответила я, улыбнувшись. Девушка определенно начинала мне нравиться.

Мы зашагали по скрипящему гравию в глубь сада. Лидия на правах хозяйки шла чуть впереди, и я получила возможность повнимательнее рассмотреть ее со спины. Красивые золотистые волосы волнами падают на спину, прикрывая лопатки. Девушка худенькая, не слишком высокая – скорее среднего роста, и пышными формами не обладает, но сложена хорошо. Светло-желтое платье выгодно подчеркивает тонкую талию. Туфли на высоком каблуке не портят походку даже на усыпанной камушками дорожке: она привыкла ходить именно в такой обуви. Прямая спина, идеальная осанка. И все-таки что-то по-детски угловатое в ее образе пока присутствует, хотя еще год-другой – и это пройдет.

– Расскажите мне еще немного о Ристонии, – попросила Лидия, замедлив шаг, чтобы поравняться со мной. Теперь мы шли в ногу. – В той атмосфере, как вы сами понимаете, нормально разговаривать невозможно. А я сразу заметила, что вы – другая. С вами можно просто спокойно пообщаться, без лицемерия и контроля над каждым произносимым словом. Признаться, я очень устала и от того, и от другого. Вас удивляет, что я так откровенно разговариваю с посторонним человеком?

– Скорее восхищает, – возразила я.

– Возможно, я кажусь вам наивной, – передернула плечиками девушка, проигнорировав мои слова. – Но, как мне кажется, я неплохо разбираюсь в людях. Вы не из той породы женщин, что леди Крэнбери и леди Милони. И не из тех, кто станет впитывать, как губка, каждое их слово.

– В этом вы можете быть совершенно уверены, – усмехнулась я.

– Даже не знаю, как отец допустил вас на женскую половину, – хмыкнула Лидия. – Обычно он не совершает подобных оплошностей.

Я спрятала улыбку, оглянувшись на розовый куст. Красивые цветы, не однотонные, на каждом лепестке красный переплетается с розовым. Я вообще люблю все не однотонное.

Герцога можно понять: он бы не совершил оплошность, если бы имел дело с менее подготовленным человеком.

– Не поймите меня неправильно, леди Аделина. Я люблю своего отца и ценю его заботу. Но даже для заботы должны существовать определенные границы! Отец же словно намеренно пытается меня задушить. Ограждает от мужчин так, словно они не обычные люди со своими достоинствами и недостатками, а самые настоящие гадюки, от которых нельзя ждать ничего, кроме ядовитого укуса. Я понимаю, он опасается за мою честь, но ведь и тут есть предел! Если он не доверяет мне до такой степени, стало быть, считает безнравственной изначально?

Я обратила внимание, что хоть Лидия и начала с просьбы рассказать ей о Ристонии, в действительности не ждала от меня активного участия в беседе. Ей было нужно выговориться самой, и, видимо, она долго не могла найти человека, который был способен ее понять и которого при этом герцог подпустил бы к ней достаточно близко.

– Наверное, меня можно счесть недостаточно благодарной дочерью, но… Леди Аделина, вы ведь знаете, как девушки ждут своего первого бала?

Я ответила утвердительным кивком. О да, я знала. Правда, мой собственный первый бал состоялся при несколько нестандартных обстоятельствах. Я присутствовала там под чужим именем и раньше, чем мне исполнилось положенные восемнадцать лет. Однако до шестнадцати я была вполне обыкновенной девушкой из дворянского общества и ожидала этого события с тем же трепетом, что и другие.

– Так вот, вы знаете, как проходил мой собственный первый бал? – горько усмехнулась Лидия. – Одежда, закрытая настолько, что больше напоминала броню, но это-то ерунда. Я находилась под постоянным присмотром отца и леди Милони, и у меня было ровно два танца! Всего два танца – и с теми партнерами, которых выбирал мой отец. А потом меня отправили к себе под предлогом моей же мнимой усталости.

Девушка тяжко вздохнула. Я ответила сочувственным взглядом. Мой отец, в отличие от герцога, заботой не отличался. Наверное, он любил меня по-своему, но, кажется, по большому счету, ему было все равно, что в доме крутится какая-

то бойкая девчонка. Карты и выпивка занимали его значительно больше. Конечно, я имела к нему определенные претензии, и тем не менее сейчас мне казалось, что его безразличие было куда лучше, нежели забота герцога.
Во всяком случае, в свои восемнадцать я была гораздо счастливее сегодняшней Лидии, хоть мне и пришлось пережить к тому моменту не самые приятные события.

– А нынешний прием гостей! – продолжила Лидия. Разговорившись, девушка немного раскрепостилась. Теперь она более живо жестикулировала, бледные щеки покрылись румянцем, а движения больше не казались угловатыми. – Как он додумался до такого ограничения – только женатые мужчины? Ну, посудите сами, насколько это противоречит его же собственным принципам. Да, отец не хочет, чтобы какой-нибудь молодой повеса увлек меня и женился, чтобы получить таким образом доступ к большому приданому. Но если уж он ожидает от мужчин лишь самого худшего, неужели считает, что будет лучше, если женатый сластолюбец соблазнит меня в одной из укромных комнат дворца без далеко идущих намерений? На первой попавшейся кушетке, если такая только найдется, а то и вовсе на столе.

Она насмешливо скривила губы.

– На столе, может, и романтично, но жестко, – машинально заметила я и лишь потом повнимательнее пригляделась к девушке. – Однако вы, кажется, знаете об этих вещах куда больше, чем должны бы – с точки зрения вашего батюшки.

– Только в теории, – передернула плечами Лидия.

– И откуда же? – полюбопытствовала я. – Книги?

– Служанки, – поправила девушка. – Ну разве не забавно? Отец так тщательно следит за моим окружением, приставил ко мне надсмотрщиц вроде леди Милони, но при этом совершенно забыл о слугах. А между тем горничные разбираются в подобных вопросах значительно лучше иных придворных дам и, главное, совершенно не стесняются говорить на эти темы. Даже наоборот, говорят долго, с удовольствием и во всех подробностях, лишь бы нашелся кто-то, кто будет готов их слушать. Я уж молчу о том, что наличие в моем окружении слуг мужского пола отцом совершенно не ограничивается. И если бы мне действительно нельзя было доверять в этом вопросе, свою девственность я бы

потеряла уже давно и при значительно худших обстоятельствах, чем те, которых отец так стремится не допустить.

Я беззвучно рассмеялась. Да, девушка чертовски права, и в умении логически мыслить ей не откажешь. Более того, похоже, она справляется с этой задачей значительно лучше, чем ее отец. Интересно, в чем причина. Лидия пошла умом в мать? Или герцог от природы умен, но совершенно теряет голову, когда речь заходит о его драгоценной дочери, которую, не приведите боги, какой-нибудь мерзавец может у него отнять? При этом вполне очевидно, что брака Лидии герцог боится сильнее, чем всего остального. Если принять этот факт во внимание, все нелепости, которые так проницательно отметила девушка, становятся вполне объяснимыми, даже логичными. Женатый сластолюбец или слуга может, конечно, обесчестить Лидию – что, с точки зрения герцога, несомненно ужасно, – но зато никогда не уведет ее из дома, сделав своей женой. А такой поворот в глазах лорда Кальво, похоже, страшнее, хоть герцог наверняка и сам не отдает себе в этом отчета.

– Что ж, если бы мы с вами пили сейчас вино, я предложила бы поднять бокал за служанок, – усмехнулась я. – Мне даже было бы любопытно самой с ними побеседовать: вдруг они рассказали бы что-то такое, чего не знаю я.

Губы Лидии сами собой расцвели в улыбке. Красивой улыбке, надо сказать; вообще, этой серьезной и рассудительной девушке был к лицу легкий налет озорства.

– Позвольте мне в этом усомниться, – откликнулась она.

Ну вот. И эта туда же, вслед за кардиналом. Да, Аделина, не тянешь ты на целомудренную прелестницу. Хотя если бы поставила перед собой такую цель, изобразила бы оную легко – вспомнить хотя бы сомнения, которые смущали Армана в его первый визит.

– Боюсь, что нам пора возвращаться, – с нескрываемым сожалением произнесла Лидия, оборачиваясь в сторону дворца. – Надеюсь, вы еще придете на женскую половину, леди Аделина?

– С удовольствием, – заверила я.

Глава 4

Мы с Лидией вернулись во дворец как раз вовремя, чтобы притвориться, будто все это время прятались в ее покоях – девушка в шкафу, я – за гардиной. Вскоре я покинула дамское общество и направилась к нашим с Арманом комнатам.

Однако по дороге меня перехватили. Посреди коридора нарисовался Рэм.

– Леди Аделина! – приветливо окликнул меня он. – Вы не откажетесь немного со мной побеседовать?

Словно специально меня здесь поджидал.

– Не откажусь, – решила проявить покладистость я и вошла в гостеприимно распахнутую миньоном дверь.

А по дороге успела внимательно к нему приглядеться. Хорош. Так и тянет облизнуться. Сейчас он был одет чуть менее официально, чем на балу. Коричневый камзол, оттенок которого отлично гармонирует с зеленью глаз, расстегнут и распахнут. Благодаря этому отлично виден высокий стоячий воротник белоснежной рубашки. А вот платок не повязан, что позволяет рассмотреть загорелую шею. Хм, если у него вся кожа такая же… Захотелось расстегнуть несколько пуговиц рубашки, чтобы заглянуть поглубже. А заодно можно было бы избавиться и от жилета.

А между тем Рэм закрыл за собой дверь.

– Не пугайтесь, – обезоруживающе улыбнулся он. – Я просто не хочу, чтобы нам помешали поговорить.

Не пугайтесь? Милый мальчик, требуется значительно большее, чтобы меня испугать.

Но я лишь умеренно улыбнулась и мягко склонила голову.

– Присаживайтесь. – Рэм указал мне на мягкий зеленый диван. – Хотите чего-нибудь? Может быть, налить вам вина?

– Нет, благодарю вас. Я только что с женской половины, меня напоили там чаем.

Чай был, но дело не в этом. Одно из правил, которых я стараюсь строго придерживаться: не есть и не пить наедине с малознакомыми людьми. Если, конечно, интуиция не говорит мне, что они безопасны: своей интуиции я, как и Лидия, доверяю. В данном случае интуиция ничего подобного не говорила.

Рэм переубеждать меня не стал. Опустился на диван рядом со мной. Широкий рукав его камзола коснулся моего платья.

– Вам понравился вчерашний бал? – поинтересовался он.

Улыбается, а глаза искрятся. И что же ты задумал?

– Очень понравился, – дала я правильный ответ на соответствующий этикету вопрос.

– А обед? – продолжил расспрашивать Рэм. – Как вы находите мастерство здешних поваров?

– О, превосходно! – откликнулась я, с трудом сдерживая смех. – Мне очень понравилось. Особенно сорбе.

Улыбка все-таки заиграла на моих губах. Кавалер едва заметно нахмурился, не понимая, что именно могло меня насмешить. Мне же очень хотелось задать ему вопрос: «О чем вы думаете, когда смотрите, как леди Милони ест десерт?»

– Рад это слышать, – вернулся к стандартным формулировкам он, придя к выводу, что причину моего веселья все равно сейчас не поймет. Потом пристально прищурился и склонился чуть ближе к моему лицу. – И что же, вам абсолютно все вчера понравилось? Или, может быть, чего-то все же не хватало?

Дожидаться ответа он не стал. Зеленые глаза оказались так близко, что было нереально смотреть в оба сразу. Я ощутила на щеке тепло дыхания, а затем

губы Рэма коснулись моих.

Я даже не думала возражать. Арману я не солгала: ну, нравятся мне не в меру наглые мужчины. А этот к тому же и вправду хорош. Кроме того, должна же я поддержать кардинала. Уж коли его высокопреосвященство недвусмысленно намекнул, что я способна на супружескую измену, следует подтвердить это фактически. Нехорошо, чтобы сам кардинал Эрталии ошибался. Ну и, наконец, клиент против измены не возражал.

И я слегка приоткрыла рот, пока не слишком страстно, но все же отвечая на поцелуй. Рэм обхватил мою нижнюю губу, затем легонько прикусил ее и переключился на верхнюю. Мои руки сами собой обвили его шею. От него приятно пахло каким-то древесным парфюмом.

От этого конкретного мужчины я ожидала, что все будет страстно, порывисто и быстро. Поэтому меня приятно удивило, что Рэм стал снимать мою одежду, вместо того чтобы просто задрать юбку. На стул полетело платье, нижняя юбка, корсет, камиза и даже чулки. Правда, последние приземлились на ковер, так и не достигнув стула, но на это никто особого внимания не обратил. Характерно также и то, что Рэм умудрился, не замедляя темпа, избавиться параллельно и от собственной одежды. Меня всегда впечатляла такая способность; никогда не понимала, как некоторым мужчинам такое удается. Казалось бы, простейшая математика: на то, чтобы раздеть двоих, требуется вдвое больше времени, чем на одного. Ан нет!

Уложив меня на диван, Рэм опустился рядом на колени и принялся неспешно ласкать мое тело. Я предоставила ему право полностью взять инициативу на себя: было любопытно посмотреть, к чему это приведет. И по мере того, как руки и губы мужчины плавно двигались по моей коже сверху вниз, становилось ясно: он не ласкает меня просто так, наугад, но и не выбирает те точки, прикосновение к которым доставляет особое удовольствие лично ему. Вместо этого он целенаправленно и методично исследовал мое тело в поисках особенно чувствительных зон. Удавалось ему совсем неплохо.

Его горячее дыхание коснулось моего уха, после чего язык мягко пощекотал ушную раковину. Удивительно, насколько сильно будоражила такая нехитрая ласка. Аккуратно прикусив напоследок мочку, Рэм приподнялся, и теперь в игру вступили его руки. Указательный палец коснулся моего подбородка, по-хозяйски его приподнял, а затем стал медленно спускаться вниз по шее. По телу

пробежала волна предвкушения. Я довольно прикрыла глаза, откидывая голову назад. И снова ощутила теплое дыхание на своей коже. На этот раз Рэм коснулся моего подбородка кончиком языка и провел тонкую дорожку к расположенной в самом низу шеи впадинке. Чуть-чуть на нее надавил, заставив меня почувствовать, как в горле образовался ком, и сразу же отпустил. Здесь ему все уже было ясно, и настало время передвинуться ниже.

Вытянув мою правую руку, Рэм пощекотал языком впадинку на локтевом изгибе. К этому прикосновению я осталась довольно-таки равнодушна. Ничего неприятного, но не более того. Он сразу же это понял и задерживаться не стал. Тем более что впереди было еще столько вариантов. Плечи, запястья, ложбинки между пальцами. Именно последние оказались наиболее чувствительными.

Это «исследование» оказалось настолько приятным, что я продолжала вести себя пассивно, что в целом для меня нехарактерно, предоставляя ему пока полную свободу действий.

Ничуть не пожалела об этом, когда дело дошло до груди. Есть женщины, которым неприятны прикосновения к самым пикантным ее зонам. Но я не относилась к их числу. И когда пальцы Рэма стали раз за разом смыкаться и размыкаться на набухшем соске, застонала в голос. Но этого Рэму показалось мало, и он обхватил второй сосок губами. Я с шумом втянула воздух, сложив губы трубочкой, а затем судорожно выдохнула, тоже через рот. А он все продолжал играть, то целуя, то теребя языком, то едва ощутимо покусывая. В этот момент я была чрезвычайно близка к тому, чтобы перехватить инициативу, с рычанием затащить его на диван и незамедлительно взять свое. Но все же сдержалась.

Его руки принялись ласково поглаживать низ живота. По телу побежали волны жара. Еще немного спустившись, рука скользнула между моими бедрами. Да! Я зажмурилась и сжала зубы, но эти всепоглощающие ощущения длились недолго. С этой зоной все было понятно и так, а потому она словно не представляла для Рэма интереса. С лукавой улыбкой – дескать, мы сюда еще вернемся – он резко переместился, на сей раз обхватывая мою стопу. Пятка… О нет, щекотно, а щекотку я не люблю! А вот поглаживания внутренней стороны бедер, от колена и выше, кружили голову. Не столько за счет чувствительности кожи самой по себе, сколько от чувства предвкушения. Приближение к заветной зоне, дразнящее обещание скорого блаженства, и снова спуск пальцев в сторону колена – такая череда предвкушений и разочарований сводила с ума.

Забравшись на диван, Рэм снова взял мою ладонь и поднес к своим губам.

– У тебя холодные руки, – прошептал он, подув на ладонь и едва ощутимо коснувшись языком впадинки между средним и указательным пальцем. – Ты здесь мерзнешь? Там, откуда ты приехала, теплее? Откуда ты родом, напомни?

Его вторая рука как бы между делом скользнула к моей груди. Изучив мое тело, он принялся играть на нем, словно на лютне. Ощущения охватили все мое сознание, погружая разум в пелену тумана. Очень хотелось просто дать правдивый ответ, чтобы как можно скорее избавиться от необходимости разговаривать и сосредоточиться на гораздо более приятных вещах. Пальцы Рэма снова сомкнулись на моем соске, и все-таки я заставила себя на мгновение вынырнуть из обволакивающего тумана и вспомнить свою легенду.

– Из Рэнтли.

– Никогда не слышал. – Голос звучал мягко и расслабляюще, а пальцы и не думали останавливаться. – Это маленький город?

– Очень маленький. Провинция на севере Ристонии.

Черт бы тебя побрал! Светскую беседу можно отложить на попозже.

– Вот как? И долго ты там жила?

Вторая рука выпустила мою ладонь и, тоже переместившись к груди, стала копировать движения первой.

Я замычала от все больше накапливающегося напряжения. Я вообще никогда не жила в Рэнтли; просто отстань от меня со своими разговорами!

Что мы там придумывали?.. Черт, до чего трудно сосредоточиться. Ах да.

– Совсем недолго, всего два года, – прошептала я. – Потом мы на время уехали за границу.

– Вот как? – Движения пальцев стали более интенсивными. – Тебе и правда больше повезло с заграничными поездками. И где вы жили?

Меня вдруг словно окатило холодной водой, и это купание моментально прочистило сознание. Слишком много вопросов вы задаете, молодой человек, и, кажется, я начинаю понимать, что происходит. Рассчитываете, что, разомлев под вашими умелыми руками, я стану податлива как воск? А дойдя до состояния исступления, не удержусь и, возможно, сама не заметив, сболтну какую-нибудь ерунду, благодаря которой меня можно будет уличить во лжи? Достаточно ведь мелкой нестыковки, расхождения в каких-нибудь сроках или названиях – а дальше меня можно будет на этом основании передать для проработки вашему дяде? Или вы думаете, что, проговорившись о какой-нибудь мелочи, я дам вам ниточку, которая доведет умелого следопыта до истины? Любопытно, почему вы так заинтересовались именно моей персоной. Или вы всех гостий герцога проверяете подобным образом?

Что ж, ладно. Хотите поиграть, граф? Давайте поиграем.

– В Галте.

– Отличное место, как говорят. – Его язык проложил вертикальную дорожку по нижней части моего живота. – А в школу ты тоже ходила там?

– Нет, отец отдал меня в пансион после возвращения.

Было безумно трудно сосредоточиться на правильности ответов, в то время как тело билось в сладко-болезненной агонии. Но было в этом и свое очарование. Необходимость сдерживать чувства и не идти у них на поводу до конца по-своему обостряла впечатления.

– И какие предметы давались тебе лучше всего? – Одна рука продолжила ласкать мою грудь, другая же спустилась ниже и обосновалась в стратегической зоне между ног. – Попробую угадать. Танцы, магия и флористика?

– Мы не изучали магию.

– Прости, я перепутал.

Нет, ничего ты не перепутал. Скорее пытался прощупать меня. Но почему на предмет магии? Похоже, ты ищешь кого-то другого: к магам я не имею ни малейшего отношения. Но ты ведь не поверишь, если я так напрямую это и заявлю. Да и зачем? Мне нравится такая игра.

Его указательный палец поднимается и опускается все чаще и чаще, касаясь одной и той же точки, и мыслить здраво становится практически нереально.

– А чем занимался в Галте твой отец?

И я перехожу в наступление. Теперь и моя рука, скользнув по его ногам, занимает позицию в стратегически важной зоне.

– Картинами, – отвечаю я, в то время как Рэм с шумом выдыхает воздух.

– Картинами? – переспрашивает он дрогнувшим голосом.

– Да. – Мои губы касаются его живота; язык вдавливается в кожу, словно пытается проделать в ней лунку. – Он рисовал картины и продавал их за большие деньги.

Рэм погладил меня по спине, и я прогнулась под его рукой.

– Разве он был известным художником?

Чертов дознаватель. Какой соблазн – с силой сжать сейчас пальцы. Моя рука находится для этого в самом что ни на есть подходящем месте. Но, пожалуй, не буду. В конце-то концов, я намерена получить от тебя сегодня все, что возможно, по максимуму. Зачем же рыть яму самой себе?

Я застонала, якобы теряя контроль над собой под бомбардировкой его прикосновений.

– Не совсем, – прошептала я. – Он подделывал чужие картины. Был в этом настоящим мастером. И продавал. За счет этого мы и жили.

Я первая подалась вперед, сжимая руки на плечах Рэма, не давая ему как следует вдуматься в сказанное. Его собственное тело давно стремилось к этому моменту, и удовольствие, которое я ощутила в миг долгожданного соединения, несомненно, было взаимным. Теперь мы двигались в общем ритме.

– Он занимался этим и в Ристонии?

Прошло некоторое время, прежде чем Рэм припомнил, для чего именно здесь находится.

– И даже в Эрталии, – шепотом призналась я, еще немного раздвигая бедра – чем он не преминул незамедлительно воспользоваться. – Он продавал картины здешним богачам. Даже его высочество приобрел пару штук.

Я закусила губу, запрокидывая голову. Долго накапливавшееся напряжение достигло своего апогея и взорвалось вихрем невообразимых ощущений, полностью поглотивших тело и разум. Затем я обессиленно уронила голову на сиденье дивана.

Надо отдать Рэму должное. Граф поступил ответственно: он помог мне одеться. Прежде чем уйти, я опустила руку на спинку стоявшего на пути кресла и обернулась.

– Надеюсь, вам понравилась наша беседа, лорд Монтерей, – лучезарно улыбнулась я. – Чрезвычайно приятно в наш непростой век встретить молодого человека, который так стремится к знаниям. Я бы даже сказала, стремится душой и телом. Однако из нас двоих я осталась в большем выигрыше. В то время как вы собирали сведения, я получила удовольствие.

– Ошибаетесь, леди, – просиял в ответ Рэм, ни капли не смущенный тем, что его раскусили. И угрызений совести явно не испытывавший. – Вы получили удовольствие, я же получил удовольствие и информацию. Стало быть, в выигрыше именно я.

– Информацию, – повторила я с издевательской улыбкой. – Да, конечно. Надеюсь, вы не слишком сильно расстроитесь, если я скажу, что в полученной вами

информации не было ни слова правды и убедиться в этом будет элементарно? Так что удовольствие против удовольствия. Можете считать это ничьей. Если вам так легче.

Не дожидаясь ответа, я покинула комнату.

Не могу сказать, будто тот факт, что данная история получила продолжение, стал для меня неожиданностью. После свидания с Рэмом я благополучно вернулась в наши с Арманом покои. Подробно рассказала клиенту о времени, проведенном на женской половине, а вот о последовавшем за тем событии пока умолчала. Не то чтобы я считала такую скрытность обязательной: в конце концов, я действовала целиком и полностью в рамках нашего договора.
Но существуют вещи, о которых я не имею привычки трепать языком, если на то нет хотя бы мало-мальски разумной причины.

В ту ночь я очень быстро уснула и, по понятным причинам, отлично спала.
Мы с Арманом вместе позавтракали, а потом разошлись, и вот тут-то ко мне почти сразу приблизился незаметный мужчина среднего роста, в одежде невзрачного серого цвета и не обладавший никакими особыми приметами. Единственным, что выделялось в его образе, были глаза – тоже серые и очень проницательные.

– Леди Ортэго. – Интонация говорящего не была вопросительной. Он точно знал, к кому обращается. – Его высокопреосвященство хотел бы пригласить вас на непродолжительную беседу.

А вот и оно. Определенно, это было предсказуемо. Где племянник, там и дядя. Где дядя, там и племянник. Не так чтобы мне сильно хотелось идти. Непродолжительные беседы с кардиналами порой заканчиваются весьма продолжительным тюремным заключением. Впрочем, особых причин паниковать у меня пока нет. К тому же от таких приглашений не отказываются.

– Я могу предупредить своего супруга о том, что задержусь? – осведомилась я. – Он может волноваться.

– Не беспокойтесь, миледи. – Серые глаза иронично улыбнулись. –
Вы не задержитесь надолго. Но его высокопреосвященство не любит ждать.

Ну, спорить я даже не пыталась. По этому типу сразу видно: непробиваем. Будет значительно проще пройти вместе с ним и послушать, чем моя скромная персона так заинтересовала высшее духовное лицо Эрталии.

Человек в сером удалился, едва я вошла в открытую им дверь. Ну так я и знала! В просторной комнате лишь одно высокое окно. Правая его сторона прикрыта бордовой гардиной, левая, напротив, свободно пропускает солнечный свет. Лицом ко входу в массивном кресле сидит кардинал. А позади него и немного сбоку, положив руку на спинку кресла, стоит Рэм.

Граф приветственно склонил голову. На лице играет легкая улыбка уверенного в себе человека. Похоже, мой вчерашний ход его не расстроил. Он вообще ведет себя так, будто ничего особенного вчера не происходило, максимум – светская беседа за бокалом вина.

Намеренно проигнорировав Рэма, я присела в подобающем реверансе перед кардиналом. На этот раз декольте моего платья было более скромным, так что заглядываться мужчинам было особенно не на что.

– Леди Ортэго, – неспешно, как и подобало его статусу, произнес кардинал. – Благодарю за то, что вы откликнулись на мое приглашение.

– Это большая честь для меня, ваше высокопреосвященство.

Он понимающе кивнул.

– Полагаю, я не задержу вас надолго. Есть несколько вопросов, которые я бы хотел прояснить. Надеюсь, вы поможете мне это сделать. Вообще-то мой племянник взялся разобраться с этим в менее официальной обстановке. Но, как я понимаю, ему это не удалось.

– Конечно, не удалось, – откликнулась я, глядя теперь исключительно в глаза Рэму. – Ваш племянник работает бездарно и топорно. Если когда-нибудь он захочет стать дознавателем, я не рекомендовала бы вам брать его на службу.

Рэм без труда выдержал мой прямой взгляд. Я его не задела, но он принимал вызов. Кардинал лишь усмехнулся, оценив наш отчасти безмолвный обмен

любезностями.

– Итак, леди Ортэго. – Как-либо реагировать на мои советы кардинал не стал и был абсолютно прав: кто я, в сущности, такая? – Пожалуй, я начну издалека. Думаю, это будет простительно человеку моих лет.

Я внимательно и в меру скромно смотрела в глубокие зеленые глаза. Ваших лет, милорд? Ох, что-то не хотелось бы мне бегать с вами наперегонки.

– Я вся внимание, ваше высокопреосвященство. Не сомневаюсь, что каждое произнесенное вами слово научит меня чему-то важному.

Конечно, я тщательно подбирала слова, но, к собственному удивлению, заметила, что не кривлю душой. Лицемеря, я говорила вполне искренне.

– Прошу, присаживайтесь, – предложил кардинал. Рэм выступил из-за кресла, чтобы пододвинуть мне стул. Затем снова вернулся на свое прежнее место. – История, которую я собираюсь вам поведать, не является пока достоянием гласности, – проговорил кардинал. – Однако же о ней знает достаточно людей, чтобы ее нельзя было назвать тайной за семью печатями. Именно поэтому я считаю возможным пересказать ее здесь и сейчас. Итак, полагаю, вам известно, леди Ортэго, что его высочество является большим любителем светских развлечений.

– Мне приходилось об этом слышать, – осторожно признала я. – Хотя, сказать по правде, принц не произвел на меня такого впечатления.

Кардинал одобрительно кивнул.

– Тем не менее до недавних пор он проводил много времени в различных увеселительных заведениях в обществе своих друзей. – Кардинал слегка повернул голову в сторону Рэма. – Около двух недель назад в некоем городе, расположенном не слишком далеко отсюда, принц посетил салон гадалки, пользовавшийся среди местных жителей большой популярностью. На второй этаж, где принимает клиентов гадалка, он поднялся в обществе двух своих друзей, один из которых присутствует в данный момент при нашей беседе. А вот непосредственно в комнатку, где состоялся собственно процесс гадания, он вошел один.

Еще один легкий поворот головы. Кажется, на этот раз кардинал посмотрел в сторону Рэма неодобрительно, чего я не заметила, когда речь заходила о светских утехах.

– Все происходило, как обычно в подобных случаях, – продолжал рассказ кардинал. – Гадалка взяла руку принца и стала рассказывать его судьбу по ладони. Но ее лицо быстро приняло мрачное выражение. Она сообщила его высочеству, что он умрет через полтора месяца, в ночь Синей Луны.

Я нахмурилась. Ночь Синей Луны – кажется, это ближайшее полнолуние. И остается до него чуть менее месяца.

– Но стоит ли переживать из-за слов обычной гадалки? – спросила я, продолжая подбирать слова очень аккуратно. – Ведь большинство из них просто морочат клиентам голову. И порой нагадывают людям всевозможные ужасы лишь ради того, чтобы придать себе веса в глазах будущих посетителей.

– В чем-то вы правы, – кивнул кардинал. – Но сложность заключается в том, что именно эта гадалка уже предсказывала двоим своим клиентам смерть в синее полнолуние.

– И что же?

– В обоих случаях ее предсказание сбылось, – жестко произнес кардинал.

Теперь многое вставало на свои места. И усиленная охрана, и особенно внимательное отношение к новым, незнакомым людям, и даже недовольство короля в связи с тем, что его сын рано прибыл на бал. Странно, что принца и вовсе не заперли до самого полнолуния в какой-нибудь башне. Впрочем, от судьбы не уйдешь, она может настигнуть и в кольце каменных стен. Гадалка ведь не сказала, от чего именно должен умереть Рикардо. (Если, конечно, кардинал об этом не умолчал.) Думаю, принц рассуждал так же, поэтому и настоял на том, чтобы продолжить вести нормальную жизнь. Королю же такое решение вряд ли понравилось, и он позаботился о том, чтобы его высочество, во всяком случае, окружало плотное кольцо охраны.

– Что вы об этом думаете, леди Ортэго? – полюбопытствовал кардинал так, будто мы находились сейчас на закрытом совещании. – Какие бы вы сделали выводы из этой информации?

Ну что ж, почему бы и не поделиться мнением.

– Думаю, вариантов два. Либо она – одна из немногих настоящих гадалок и принцу действительно угрожает опасность, либо… Либо эта женщина сама приложила руку к смерти предыдущих клиентов. Не знаю, из каких соображений, но группа людей, в которой она состоит, могла обеспечить одним и тем же людям сначала предсказание, а потом и его исполнение. И в этом случае принцу тоже грозит опасность. Кстати, а знала ли гадалка, кто перед ней находится?

– Хороший вопрос, – одобрил кардинал. – И одновременно сложный.
Его высочество не представился. Но и сказать, что он тщательно скрывал свою личность, тоже нельзя.

– Понятно, – кивнула я. – Ну что ж, в таком случае я бы не стала сбрасывать со счетов ни один из предложенных вариантов. Но почему бы вам не допросить эту гадалку и не выяснить все у нее лично?

– И снова хороший вопрос. Быть может, вы захотите сами дать на него ответ?

– Она сбежала? – понимающе протянула я.

– Исчезла, – поправил кардинал. – Увы, прошло какое-то время, прежде чем это дело перешло в мое ведение и им занялись серьезно. К тому моменту салон оказался заброшен. Сейчас о местонахождении гадалки ничего не известно. Более того, мы даже не знаем, как она выглядела. Во время общения с клиентами она, как и многие представительницы ее профессии, прятала лицо под синей вуалью. Судя по голосу, она была женщиной молодой, вероятнее всего, не старше тридцати. Хорошо сложена. Приблизительно вашего роста.

– Понятно, – пробормотала я.

Интерес, проявляемый во дворце к незнакомым лицам женского пола, действительно получал некое объяснение. Но что-то все еще не складывалось. Все же подозревать в каждой женщине сбежавшую гадалку – это перебор.

– И что же, – я подозрительно вскинула голову, – ваш племянник сообщил вам, что леди Аделина Ортэго является чрезвычайно подозрительной особой, которая наверняка замешана в государственных интригах?

– Племянник? – удивился кардинал. – Отнюдь. Мой племянник, напротив, считает, что, вероятнее всего, вы не имеете к произошедшему ни малейшего отношения. – Я изумленно взглянула на стоящего за спиной кардинала Рэма; тот ответил короткой ухмылкой. – Больше того, я склонен разделить его точку зрения. Не думаю, что вы замешаны в данной истории. Если бы я считал иначе, мы с вами беседовали бы в другом месте и при других обстоятельствах. Однако, надеюсь, вы сами понимаете, что безопасность наследника престола требует от нас повышенной бдительности. Я не имею морального права не проверить любую версию, даже самую маловероятную. Итак, – его взгляд стал еще более испытующим, – я бы хотел, леди Ортэго, чтобы вы просветили меня по одному вопросу. Скажите, отчего мои люди обнаружили в ваших вещах три запечатанные колоды карт, две в обычном отделении сундука и одну – в потайном?

Он смотрел пристально, не моргая, не намеренный пропустить даже мельчайшей эмоции, которую я имела бы неосторожность проявить. Так вот оно что! Карты! Да, это было с моей стороны несколько неосмотрительно. Хотя кто же мог знать, что все так сложится? Хм. Он сказал «три». Стало быть, четвертую колоду они не обнаружили.

– Вы увлекаетесь гаданиями, леди Аделина? – настойчиво спросил кардинал, видя, что я медлю с ответом.

– Нет, ваше высокопреосвященство. Я использую карты исключительно для игры.

Тут меня нельзя было упрекнуть во лжи.

– Вот как? – изогнул бровь кардинал. – Ну что же. Это можно легко проверить. Как известно, гадалки не играют в карточные игры. Они опасаются, что столь неуважительное обращение с картами приведет к утрате дара прорицания.

Опасаются небезосновательно, ибо подобные случаи действительно имели место. Вы же не будете возражать против того, чтобы сыграть прямо здесь и сейчас?

Он по-прежнему смотрит очень внимательно, готовый уловить признак малейшего сомнения. Но я лишь удовлетворенно улыбаюсь.

– Ну что вы, ваше высокопреосвященство, конечно же, я ничего не имею против.

– Отлично.

Видимо, он надавил на какую-то пружину, вызывая слуг, но я этого не заметила. Однако дверь незамедлительно и бесшумно распахнулась, и в комнату внесли карточный столик, четыре стула соответствующего ему размера и колоду карт. Подобная подготовленность бесспорно впечатляла, однако я тайком поежилась. Любопытно, какие еще предметы были готовы столь же расторопно внести в помещение ожидавшие снаружи люди? И не было ли среди этих предметов, к примеру, щипцов или даже небольшой переносной дыбы?

– Во что будем играть? – повышенно бодро осведомилась я.

– Как вы относитесь к истансу? – поинтересовался в ответ кардинал.

Я склонила голову в знак согласия. Что ж, хороший выбор. Истанс – достаточно сложная игра, и человека, который не знает правил и ориентируется наугад, сразу же будет видно. Более того, выиграть, совсем уж не имея опыта, полагаясь лишь на случай, почти невозможно. Прекрасно.

– Но ведь в истанс положено играть вчетвером, – напомнила я.

– Конечно. Ринольд, ты не мог бы позвать Гратена? – обратился к племяннику кардинал.

Ни слова не говоря, Рэм вышел из комнаты и вскоре вернулся в компании того самого невзрачного человека, который привел меня к кардиналу.

– Гратен, надеюсь, вы не будете возражать против партии в истанс? – спросил кардинал.

Я тихонько фыркнула, полуотвернувшись. Кто же будет возражать, когда приглашает кардинал? Уж не важно, будь то партия в истанс, оргия на восьмерых или полугодовое умерщвление плоти.

Гратен предсказуемо согласился. Рэм галантно пододвинул мне стул за карточным столом.

– Но надо пригласить четвертого? – заметила я. – Нас ведь только трое.

– Если вы не возражаете, я сыграю с вами, – улыбнулся кардинал.

– О, ваше высокопреосвященство тоже играет…

По-моему, это противоречит законам религии. Духовное лицо не вправе играть в азартные игры, равно как не вправе, к примеру, танцевать на балах. Однако что-то подсказывало мне, что кардинал Монтерей нарушал подобные правила не единожды, да и вообще относился к ним как к малозначащим условностям.

– Чем меньше ненужных свидетелей, тем лучше, вы не находите? – проронил кардинал, усаживаясь напротив меня.

Рэм и Гратен также заняли свои места.

– Кто будет сдавать? – осведомился Гратен.

– Вы, – отозвался кардинал.

Каждый из нас получил по восемь карт. Игра началась.

– Пять треф.

– Валет.

– Беру.

– Пропускаю.

– Взятка.

– Десятка пик.

В обычной ситуации я начала бы с мелкого проигрыша, затем проиграла бы побольше, и только потом мне бы резко стало «везти». Но сейчас ставки были иные и иная цель. Моя задача не ободрать партнеров как липку, а доказать, что я умею играть. Поэтому ходить вокруг да около я не стала. И выиграла три партии подряд.

– Думаю, этого достаточно, – произнес кардинал, в то время как Рэм недоверчиво пялился на выложенные веером карты.

Не иначе, пытался понять, как я умудрилась в третий раз подряд собрать такую хорошую комбинацию. Что ж, пусть думает. Помогать ему я не собираюсь. И, кстати, молодой человек, вы еще должны мне ответить за тот вероломный допрос, что устроили вчера вечером. Проигрыш в карты не в счет: мы ведь даже не делали ставок. Но ничего, плату я с вас тем не менее возьму – нервными клетками. И, кажется, я уже знаю, как именно это сделаю.

– Удовлетворите мое любопытство, леди Аделина, – задумчиво проговорил кардинал после того, как стол унесли, а Гратен покинул наше общество вместе со слугами. – Обещаю, что, каким бы ни был ответ, я не стану использовать его вам во вред. Честно ли вы играли?

– А разве это имеет значение, ваше высокопреосвященство? – набравшись наглости, улыбнулась я. – Вы ведь хотели проверить, умею ли я играть в карты. Я доказала, что умею. А честно или нет, в данном случае не играет большой роли. Не правда ли?

По едва уловимой усмешке на красивом, хоть и немолодом, лице я поняла, что мой ответ кардинала удовлетворил. Во всяком случае, пока.

Глава 5

На следующий день я долго работала над своей внешностью, прежде чем выйти в свет. Работа эта была несколько нестандартной, несмотря на то что я орудовала теми же самыми кисточками и красками, что и ежедневно. Однако на сей раз мне требовался иной результат. Служанка уже одела меня в довольно-таки неброское и закрытое платье, меньше, чем обычно, затянув корсет. Теперь от меня требовалось придать должный вид своему лицу.

Бледность в наше время в моде, поэтому на цвете лица самом по себе не сыграть. Но остается немало других возможностей. Перво-наперво раздражаем глаза при помощи специального, безвредного в остальном, порошка, чтобы они раскраснелись и слегка припухли, как будто я долго плакала. Затем несколькими легкими движениями кисточки изображаем под глазами круги. Слегка припудриваем окрашенную таким образом кожу, словно я пыталась скрыть следы слез и бессонницы, но это плохо у меня получилось. Еще немного работаем с носом, чтобы он тоже казался слегка покрасневшим. Так, что теперь? Туфли на низком каблуке. Пожалуй, на этом можно считать образ завершенным.

В таком виде я и отправилась лицедействовать. Объясняться с Арманом не потребовалось: «супруг» был занят своими делами, якобы готовился к встрече с нужными людьми. У меня возникли кое-какие сомнения на предмет его подлинной цели, но в данный момент я была занята главным образом собственными планами. Побеседовать с Арманом успею и потом.

Время представления – полдень, место – зал, в котором регулярно собирались гости, чтобы пообщаться и развлечься. Если, конечно, в тот день не было предусмотрено особого развлечения вроде бала, торжественного приема или выезда на охоту. Каждый занимался тем, что было ему по душе. Одни вели неторопливую беседу за бокалом вина, другие играли в карты, третьи предпочитали салонные игры вроде фантов, четвертые просто сидели в уголке с модным романом в руках.

Я вошла в зал, теребя в руках маленький белый платочек с вышитыми на нем инициалами «А. О.». Заказала несколько таких платков еще до выезда из Ристонии. Мелочь, конечно же, но именно такие мелочи придают легенде

достоверность. Присела на стул, но быстро встала, будто не нахожу себе места, и прошла в другой конец зала. Взяла с поданного лакеем подноса бокал, но, едва пригубив, отставила в сторону, так резко, что чуть было не расплескала вино. Отошла к окну и, отвернувшись, приложила платочек к глазам.

– Что-то случилось, леди Ортэго?

Рэм приблизился совершенно бесшумно, но это не означает, что я не ждала его появления. Ведь именно ради него и затевался весь мой спектакль!

– Ничего, – холодно ответила я, поднимая на него красные глаза. – Благодарю вас, граф, все в порядке.

И отвернулась к окну, давая понять, что разговор закончен. Разумеется, я знала, что он не захочет понять намек!

– И все-таки позвольте мне повторить свой вопрос. Что-то не так. Расскажите мне. Вас кто-то обидел?

– Ах, вы хотите это знать? – со злым смешком прошипела я, резко поднимая голову. – Вам интересно, кто меня обидел? Что ж, извольте.

Взяв Рэма за локоть, я почти оттащила его в дальний конец зала, туда, где нас никто не мог услышать.

– Если тебе так интересно это узнать, пожалуйста: я беременна, – сообщила я. – Могу сказать даже больше: беременна от тебя. – В моем голосе пылала ненависть.

Рэму потребовалось с полминуты на то, чтобы хоть как-то переварить эту новость.

– Но… откуда ты знаешь, что именно от меня? – шепотом спросил он. – Может быть, это ребенок твоего мужа!

О том, как я могла так быстро узнать, что беременна, он не спрашивал. Такое средство существовало и было доступно любому материально обеспеченному

человеку. Правда, изначально данное средство разрабатывалось с совершенно иной целью. На небольшом магическом диске загорались яркие белые точки, чем-то напоминающие звезды. Число этих огоньков соответствовало числу находящихся в помещении людей. Это позволяло выявить шпиона, если он прятался где-нибудь в комнате в стремлении подслушать важный разговор или похитить секретный документ.

Однако такой способ наблюдения слишком легко было обойти. К примеру, если чужак подслушивал из соседней комнаты, приближался к окну по наружной стене или проникал в помещение, когда оно пустовало, прибор оказывался бессмысленным. Зато люди совершенно случайно обнаружили, что в присутствии беременной женщины на диске высвечивается две звездочки, а не одна. Дальнейшие исследования показали, что прибор показывает присутствие ребенка практически с самого момента зачатия. В итоге магическая разработка стала массово использоваться именно как средство проверки на беременность.

– Мы с мужем не спим, – скривила губы я. – У нас договорной брак, построенный исключительно на взаимной выгоде. Почему, ты думаешь, я так легко бросаюсь в объятия к совершенно незнакомому человеку? Так что можешь не сомневаться: ребенок твой. И вот еще что: я не собираюсь от него избавляться. Прикрывать тебя тоже не стану. Когда мою беременность нельзя будет дольше скрывать, я честно скажу мужу, кто отец.

Рэм слушал молча. Губы плотно сжались в напряженную линию; расширенные глаза периодически прикрывались хлопающими ресницами.

– Впрочем, наверное, это не слишком сильно тебя смущает? – продолжала я, никак не показывая испытываемого удовольствия. – Возможно, Арману придется вызвать тебя на дуэль, но куда ему до тебя? Ты ведь – первая шпага Эрталии!

– Вторая, – сухо прокомментировал Рэм. – Первая – маркиз Рагийский.

– Но не мой муж, – отрезала я. – Скажи, ты его убьешь? Для тебя ведь это не составит особого труда. Мне интересно: тебя совсем не будут мучить угрызения совести?

Одарив его последним злым взглядом, я повернулась к выходу. Рэм попытался меня остановить, но, скинув его руку, я вылетела прочь из зала.

Танцующей походкой чрезвычайно довольного собой человека я впорхнула в наши с Арманом покои. И обнаружила сидящего на диване человека, очень похожего на садовника. Волосы скрывала характерная шляпа с широкими полями, призванная защищать своего обладателя от солнца. Широкие бежевые штаны, какие зачастую носят представители этой профессии, обладают многочисленными глубокими карманами, в которых удобно переносить инструменты. Из одного кармана как раз торчат садовые ножницы. Главная особая примета – рыжеватые усы, придающие лицу садовника хитрое выражение.

– Готовишься к балу-маскараду? – осведомилась я, опускаясь в кресло и вытягивая ноги.

– Не думал, что ты вернешься так скоро, – раздосадованно отозвался Арман. – Но раз уж пришла, оцени профессиональным взглядом. Похож я на садовника?

– Похож, – ответила я. – На невероятно наглого садовника, вторгшегося в господскую гостиную.

– Наглый меня устраивает, – милостиво кивнул Арман. – Главное, чтобы садовник.

– Собираешься на свидание к Лидии Кальво? – как бы между прочим осведомилась я.

Арман, опешив, распрямил спину.

– Как ты догадалась?

Я пожала плечами.

– Это было нетрудно. Меня с самого начала насторожила та легкость, с которой ты дал мне добро на супружескую измену. Это плохо поддавалось объяснению,

если только не предположить, что ты и сам не намеревался быть верным мужем. А если так, значит, тебя интересовал не альтинг, а какая-то женщина. Учитывая, что ты сам же рассказал мне историю дочери герцога, которую он фактически держит взаперти, именно она и была главной кандидатурой. Ну а потом, были и другие нюансы. К примеру, то, с каким интересом ты расспрашивал меня о времени, проведенном на женской половине. И еще на балу. Ты явно кого-то искал, и этот кто-то так и не появился. А ведь Лидии действительно там не было, притом что ее присутствия можно было ожидать. Как-никак бал состоялся в доме ее отца.

Закончив, я поерзала в кресле, устраиваясь поудобнее.

– М-да, я тебя недооценил, – признал Арман.

– Весьма распространенная ошибка, – заметила я. – Поверь, ты не одинок. Некоторым людям пришлось заплатить за эту ошибку довольно дорого. Так, значит, альтинг тебя не интересует?

– Интересует, и даже очень, – возразил Арман. – Тут я не солгал. И тем не менее главная причина моего пребывания здесь – это действительно Лидия. Если бы не она, вряд ли я пошел бы на эту авантюру.

– Как ты умудрился с ней познакомиться, учитывая чрезмерную опеку со стороны ее папочки?

Арман вздохнул и как-то странно посмотрел на меня исподлобья. Почти виновато.

– Я не умудрился, – признался он. – Мы с ней незнакомы. Точнее, я ее видел, а она меня – нет.

– Вот это да! – Я нехорошо прищурилась. – Имей в виду: девочка мне понравилась. В ней есть стержень. А работать сводней я не нанималась. Если ты собираешься набросить ей мешок на голову и насильно увезти из дворца, я тебе не помощница.

– Что ты несешь? – поморщился Арман. – Я не собираюсь ее похищать.

– А что же тогда? Совратить под самым носом у папочки? Что-то в этом, конечно, есть: красоту игры я оценить могу. Но девочка опять же заслуживает лучшего. Считай меня сентиментальной.

– Слушай, Аделина, что у тебя за идеи такие, одна лучше другой? – возмутился Арман. – Я просто хочу с ней познакомиться, посмотреть на нее поближе. Поухаживать, в конце-то концов! Что я могу поделать, если ее папаша не дает мне возможности сделать все это нормально?!

– Ты же говоришь, что с ней незнаком, – с прежней подозрительностью напомнила я. – Стало быть, все, что может тебя интересовать, – это ее наследство.

– Я говорил, что я ее видел! – вскинулся Арман. – Дважды. Первый раз – на том самом балу, на котором герцог все-таки позволил ей танцевать. Конечно, пригласить ее я не смог – при той-то опеке, которой он ее окружил. Но я практически не отводил от нее глаз и, скажу честно… – Он немного помялся, смутившись, но потом поднял на меня прямой взгляд. – Она произвела на меня сильное впечатление. Не только внешностью. Тем, как себя держала. Тем, как отвечала тому же самому отцу. Как реагировала на чрезмерную опеку. С достоинством, за которым можно было различить ее подлинное отношение. Раздражение и даже отчаяние. Ты упомянула похищение. Так вот: да, в тот момент я испытал жгучее желание увезти ее подальше от всех этих переживаний. Чтобы она вообще не знала, что такое отрицательные эмоции.

Он снова покосился на меня исподлобья, явно не ожидая, что я сумею понять его реакцию. Что сказать? Я действительно не отношусь к романтически настроенным людям. Но я многое успела повидать в своей бурной жизни, и это была далеко не только грязь. Так что в целом я была готова дать ему шанс.

– А что во второй раз? – поинтересовалась я.

– Во второй раз я встретил ее на приеме, – отозвался Арман. – На том приеме присутствовала принцесса соседнего государства. Герцог был приглашен вместе с дочерью и опять же не смог отказать. Я был там как представитель дипломатической миссии. Приблизиться к Лидии опять же не мог. Но впечатление, которое она произвела на меня на балу, при второй встрече только усилилось. Потом я искал способ с ней познакомиться и перепробовал

достаточно много всего – хотя осторожничал, дабы не навлечь на себя гнев герцога. Как-никак такой поворот свел бы все мои шансы к нулю. И в итоге придумал тот способ, с которым обратился к тебе.

– Хм. И ты хочешь сказать, что твой интерес так-таки бескорыстный? – недоверчиво спросила я. – И тебя не привлекает возможность стать зятем герцога, получить приданое, а также те связи и то положение в обществе, которое принес бы такой брак?

– Приданое? Связи? – скептически хмыкнул Арман. – Знаешь, Аделина, я, в принципе, ничего не имею против. Но посуди сама. Допустим – допустим, ибо до этого еще очень и очень далеко! – мне удалось бы добиться взаимности, я не разочаровался бы в Лидии после более близкого знакомства, а она согласилась бы выйти за меня замуж. Давай предположим, что все это осуществилось. Полагаешь, герцог резко изменит свое отношение к браку дочери и с радостью нас благословит? Что-то заставляет меня в этом сомневаться. Как бы он, наоборот, не решил, что внезапная кончина зятя решит все его проблемы. Ладно, допустим, это тоже маловероятно: он все-таки любит дочь; к тому же по принятым среди нашей аристократии правилам, вдова не возвращается в отцовский дом. Если она не может жить своим домом, то переезжает к родственникам мужа. Это герцога не устроит никак. Поэтому наиболее вероятен третий вариант, менее радикальный: он просто лишает дочь приданого. Положим, трагедии для меня в этом нет: я вполне неплохо обеспечен. Но – вот они, деньги и связи.

Я задумчиво и по-прежнему подозрительно разглядывала Армана. В образе садовника дипломат смотрелся забавно, но речь сейчас не об этом. В его словах был свой резон. Для охотника за богатыми и знатными невестами Лидия была не самой лучшей добычей. Никогда не знаешь, что можно получить в качестве приданого от такого папаши, как герцог Кальво. Не то огромное состояние, не то пулю в лоб.

– Ну так как? – испытующе посмотрел на меня Арман. – Поможешь мне в этом деле? Я готов доплатить за него отдельно.

– Пока не стоит, – покачала головой я. – В конце концов, я ведь и так взяла с тебя втридорога, верно? Стребовать что-нибудь еще всегда успею.

Арман подозрительно хмыкнул, но спорить, ясное дело, не стал.

В действительности, давая такой ответ, я руководствовалась вовсе не бескорыстным желанием помочь ближнему. Просто возьми я у Армана дополнительную сумму, это наложило бы на меня обязательство всячески помогать ему в деле Лидии. А я пока не хотела давать подобных зароков. Кто знает, рассказал ли дипломат всю правду на этот раз. К тому же пусть даже и рассказал, еще неизвестно как отнесется к его ухаживаниям сама Лидия. Мне не слишком свойственна сентиментальность, однако порой я позволяю себе проявлять чувствительность, когда дело касается молодых и неопытных, но умных девушек. Можно считать это моим слабым местом.

Под вечер Лидия вышла в сад, чтобы в очередной раз хоть немного отдохнуть от причитаний леди Милони, недовольной современным обществом, и нравоучений леди Крэнбери, уже давно набивших оскомину. Стараясь ненадолго забыть о том, что творилось на женской половине, она двинулась прочь от дворца, в глубь сада, мимо аккуратно подстриженной зелени и цветов, источающих в это время суток головокружительный аромат.

Минут через пять девушка остановилась, не зная, чем заняться. Книгу она прихватить забыла, а бесцельно бродить по саду, знакомому, как собственные пять пальцев, не хотела.

– Я могу вам чем-нибудь помочь, миледи?

Садовник. Странно, Лидия как будто ни разу его не видела, хотя и проводила в саду достаточно много времени. Может быть, новичок? Девушка осторожно изучила его, делая вид, будто смотрит в сторону, – искусство, уже давно освоенное ею в совершенстве. Молодой, симпатичный, усатый, в смешной широкополой шляпе. Брюки, из кармана которых торчат крупные ножницы, на удивление чистые, будто их обладателю совсем не приходилось сегодня копаться в земле.

– Я просто задумалась, из каких цветов составить букет, – ответила она.

– Буду рад вам помочь. Этот букет – подарок какому-то человеку или он нужен для украшения комнаты? – предупредительно осведомился садовник.

– Для украшения, – откликнулась Лидия. – В общем-то ни для какой особой цели. Просто так. Пожалуй, я выберу ноготки, – определилась она, назвав первые попавшиеся на глаза цветы.

Старший садовник как-то раз уже помогал ей собрать такой букет. Но этот отчего-то отрицательно помотал головой.

– Простите, леди, но это не самый лучший выбор, – заметил он, в результате чего у Лидии совершенно не по-светски вытянулось лицо от удивления. – Ноготки – символ отчаяния. Стоит ли вносить его в покои?

– И что же вы предлагаете внести вместо него? – осведомилась Лидия с пробудившимся любопытством.

– Существует масса вариантов, – с энтузиазмом откликнулся садовник. – Вот, например, розы. – Он подвел Лидию к веренице благоухающих кустов. – Здесь многое зависит от цвета. Желтые символизируют дружбу, розовые – учтивость, бордовые – красоту.

– А красные? – поинтересовалась девушка.

– С красными все просто, – улыбнулся садовник. И, неожиданно посмотрев ей прямо в глаза, объяснил: – Они означают любовь.

Лидия опустила глаза, но успела заметить, что и он тоже поспешил отвести взгляд.

– Не хочу розы, – сказала она, отворачиваясь и продолжая прохаживаться между клумбами. – Они слишком банальны. Куда ни пойдешь – всюду розы. Есть что-нибудь другое?

– Конечно. – Розы остались позади, и присоединившийся к ней садовник указал на очередной цветок. – Лилии занимают в языке цветов важное место.

– Здесь тоже имеет значение цвет? – уточнила девушка.

– Разумеется. Цвет важен всегда. Белая лилия – это невинность, а желтая – веселье, но и легкомыслие. Оранжевая – символ ненависти.

– Надо же. А она очень красива, – заметила Лидия.

Садовник с обезоруживающей улыбкой развел руками.

– Тигровая лилия – признак самонадеянности, – продолжил рассказывать он. – А вот алая – свидетельство возвышенных намерений.

Они миновали еще несколько клумб.

– А что означают тюльпаны? – спросила Лидия, бросая взгляд на упомянутый цветок.

– Красные – признание в любви, – охотно ответил садовник.

– Красный цвет что же, всегда означает любовь?

– На языке цветов – почти всегда, – подтвердил он. Немного подумав, уточнил: – Разве что красный клевер. Он означает усердие.

– А белый?

Лидии припомнились усыпанные белым клевером луга.

– Клятву.

– Какую? – прищурилась она.

И снова эта обезоруживающая улыбка.

– А тут все зависит от других цветов в букете. Герань означает дворянское происхождение, – продолжил он минутой позже. – Шиповник говорит о ранах. Гортензия – о бессердечности.

Увлекшись любопытным разговором, Лидия перестала следить за временем, но теперь сообразила, что скоро ее начнут искать. А она не любила, когда ее ищут в саду. Словно посторонние люди вторгались в ее личное пространство.

– Мне пора идти, – с сожалением сказала она. – Соберите мне какой-нибудь букет, любой, на ваше усмотрение.

Она произнесла это с подчеркнутым пренебрежением, а сама приготовилась разгадывать, что именно будут означать цветы, выбранные странным садовником.

Принесенный им вскоре букет состоял из трех алых лилий, двух лиловых роз и ненавязчивого вкрапления мелких цветов герани.

– А что означают лиловые розы? – нахмурилась Лидия.

– Я расскажу вам об этом завтра, – хитро пообещал он. – Если вы снова придете за букетом.

Тем вечером я снова видела Рэма. Против обыкновения, у него был напряженный и нервный вид. Конечно, можно было бы положить конец моей мести прямо сейчас, но я решила, что одна бессонная ночь пойдет этому самодовольному типу на пользу.

На следующее утро я вновь пришла в зал, где собирались гости, на сей раз не посвящая своей внешности столько времени, сколько вчера. Рэм тоже пришел сюда, хоть и немного позже, чем я. Увидев меня, направился в мою сторону решительным шагом.

– Послушай, Аделина, – начал он, отведя меня подальше от остальных гостей. – По поводу этого ребенка…

– Какого ребенка? – изумилась я, недоуменно хлопая глазками.

– То есть как… – нахмурился Рэм.

– Ты что, намекаешь на то, что у нас с тобой может быть ребенок? – прошептала я. – Придет же тебе в голову! Ты еще скажи, будто мы с мужем не спим! – Я возмущенно фыркнула. – Да если хочешь знать, мы проводим вместе каждую ночь!

Передернув плечами, я собралась возвратиться к остальным гостям, но Рэм крепко перехватил мое запястье.

– Ты за это заплатишь, – пригрозил он, наклонившись к самому моему уху.

– Жду с нетерпением.

Лучезарно улыбнувшись, я высвободила руку из его хватки и направилась к центру зала.

Рэм очень быстро ушел, я же задержалась, чтобы поиграть в карты. С очень низкими ставками, только ради того, чтобы не потерять форму. Я вообще крайне редко использовала это свое умение с целью обогащения.

На следующий день Лидия вышла в сад в тот же час, что и накануне. Отделаться от назойливой компании придворных дам было непросто, но она проявила настойчивость. И определенную жесткость. Этому ей тоже пришлось научиться. Едва она свернула в ту часть сада, что пряталась от дворцовых окон за густой древесной листвой, как вчерашний садовник шагнул ей навстречу. И улыбнулся все той же улыбкой, которая – Лидия была вынуждена признаться в этом сама себе – опасно согревала онемевшую от холода душу девушки. Однако демонстрировать это незнакомцу она не стала.

– Лиловые розы означают любовь с первого взгляда, – твердо и даже с укоризной произнесла она вместо приветствия.

– Вы хорошо разобрались в языке цветов, – заметил садовник.

И протянул ей букет красных гвоздик, который все это время прятал за спиной. Лидия приняла цветы, но подняла на него холодный взгляд.

– Что означают гвоздики? – осведомилась она, намеренно игнорируя в своем вопросе цвет. Что символизирует красный, девушка отлично помнила.

Садовник молча улыбнулся, давая понять: в общих чертах вы все истолковали верно, а детали значения не имеют.

Его пальцы, отпустив букет, коснулись ее руки. Легкое прикосновение отчего-то вызвало целый шквал эмоций. Не спеша отчитывать садовника за неподобающее поведение, Лидия, однако же, подняла на него неодобрительный взгляд, рассчитывая по глазам понять, что у мужчины на уме. Он чуть-чуть наклонил голову ей навстречу. Лидия тоже потянулась к нему, наверное, просто для того, чтобы он не мог смотреть на нее сверху вниз. Он приблизился еще, и она тоже – чтобы как следует разобраться в его мотивах.

Разобралась. Вообще-то она целовалась впервые в жизни, но это оказалось несложно. Главное – начать, а дальше все пошло как-то само собой. Что интересно, Лидия всегда была немного «ежиком»: она не любила чужих прикосновений. И вот теперь, казалось бы, речь шла о вопиющем вторжении в ее личное пространство. Но оно не вызывало ни малейшего чувства протеста. Было непривычно, было немного страшно, но прерывать поцелуй Лидия не хотела. Возможно, благодаря тому, что мужчина действовал мягко и осторожно.

Однако когда поцелуй закончился, она не решилась посмотреть ему в глаза. Машинально прикусив губу, отвернулась и медленно пошла вдоль череды цветочных кустов. Садовник последовал за ней, отставая на полшага.

– Вы устроились на эту работу недавно? – спросила Лидия, скрывая свое смущение за разговором.

– Да.

– То есть вчера?

Она все-таки решилась поднять на него глаза, благо сейчас наступила его очередь смущаться. Если, конечно, он на это способен.

Смущенным садовник не казался, но все же ей удалось немного дезориентировать его этим вопросом.

– Почему вы так думаете? – откликнулся он.

– Вы знаете, – заговорила, не останавливаясь, Лидия, – я достаточно много общалась с нашим старшим садовником. Он, как и вы, рассказывал мне о цветах. И знаете, что он говорил? Бегонии и георгины надо регулярно поливать при засушливой погоде, а вот, к примеру, ноготки переносят засуху легче. Нельзя поливать цветы под палящим солнцем; в жару это следует делать рано утром или ближе к закату. Но он ни разу ни слова не сказал мне про язык цветов.

Теперь она сочла нужным остановиться; так же поступил и мужчина.

– Вы меня раскусили, – напряженно констатировал он, выдавливая из себя усмешку.

Впервые за время их сегодняшней встречи губы девушки тронула слабая улыбка. Она бросила взгляд назад, на ту клумбу, возле которой они совсем недавно целовались.

– С садовником это было бы за гранью добра и зла, – с нервным смешком призналась она, подписываясь таким образом в собственной неромантичности. – В букете, который вы дали мне вчера, присутствовала герань. Вы сами сказали, что это – символ знатного рода.

– Вы оказались на редкость талантливой ученицей.

Лидия поморщилась.

– Не люблю учителей. У них есть свойство оказываться чрезвычайно занудными.

– Постараюсь всячески избегать этого порока.

К нему вернулась прежняя улыбка.

– Скажите, вы прибыли во дворец в свите короля? – спросила Лидия, продолжив неспешное шествие по дорожке.

– Нет.

Арман вновь подстроился под ее шаг.

– В таком случае, в свите принца?

– Тоже нет.

Девушка нахмурилась; ее взгляд, прежде блуждавший по неоткрывшимся розовым бутонам, опустился ниже и заскользил по зеленым шипам.

– Значит, вы просто приехали в числе гостей моего отца?

– Именно так, леди Лидия.

Она остановилась и подняла на него прямой взгляд.

– Стало быть, вы женаты?

Оборвавшийся скрип гравия погрузил сад в напряженную тишину – если, конечно, можно говорить о тишине, когда ветер шуршит в траве и переговариваются о чем-то своем прячущиеся среди листвы птицы.

Арман, улыбнувшись, покачал головой.

– Нет.

– Но мой отец не принимает у себя холостых мужчин. Приближенные короля и принца не в счет, для них ему пришлось сделать исключение.

– Я знаю, – подтвердил Арман. – Поэтому я договорился с одной своей знакомой. Она согласилась изобразить мою жену. Это позволило мне попасть во дворец. Знаю, это не вполне честно, – виновато развел руками он, – но пришлось пойти

на маленькую хитрость.

Сообщать о том, что он не договорился со знакомой, а скорее нанял незнакомую авантюристку за крупную сумму, Арман благоразумно не стал.

– Кто она? – сразу же ухватилась за рассказанное Лидия. – Вернее, кто вы? Нет, не так. – Девушка раздраженно качнула головой. – Давайте лучше по порядку. Расскажите мне все как есть.

И она решительно зашагала к маячившей впереди скамейке.

– Хорошо, – согласился Арман, усаживаясь подле нее. Не слишком далеко, но и не слишком близко, и это Лидии понравилось. – Только давайте договоримся так: я расскажу вам то, что касается лично меня, но не то, что может раскрыть мою знакомую. Она сама решит, открыться перед вами или нет.

Глава 6

– Леди Ортэго! – Слуга вежливо дождался, пока я остановлюсь и обернусь в его сторону. – Прошу простить за беспокойство. Вас хотела бы видеть леди Кальво.

– Ну конечно. – Я собиралась немного прогуляться по саду, но столь бесцельное занятие могло с легкостью подождать. – Где она?

– Прошу вас. Следуйте за мной.

Я опустила пониже длинную фиолетовую шаль, которую прежде набросила на плечи. Теперь она повисла на локтях: в помещении не было необходимости утепляться. Элегантное светло-лиловое платье тихо шуршало в такт моим шагам. Длинные серьги были выполнены в той же цветовой гамме и изображали фиалки, цветы которых крепились к мочке уха, а стебли изящной тонкой линией спускались вниз.

Шествуя следом за слугой, я думала о предстоящем разговоре. Арман рассказал мне о своей последней встрече с Лидией, и я намеревалась поговорить

с девушкой напрямик. Вот только не факт, что мои слова будут полностью соответствовать пожеланиям Армана. Но тут уж я, как говорится, не нанималась. А потому действовать буду не так чтобы ему во вред, но на свое собственное усмотрение.

Войдя в распахнутую провожатым дверь, я увидела перед собой пустую комнату. Нет, с мебелью здесь все было в полном порядке – диван, кресла, столик для напитков, на окнах – гардины, пол устилает огромный светлый ковер с мягким ворсом. Но в комнате не было людей. Видимо, Лидия еще только собиралась сюда прийти. Или…

Я резко обернулась, услышав стук закрывающейся двери. Щелкнул засов. Теперь я поняла, что ошиблась. Один человек, кроме меня, в комнате все-таки был. А именно – Рэм, которого, когда я вошла, скрыла открывшаяся дверь. Миньон был одет в черный камзол, расшитый по краям золотой нитью, такие же брюки и белую для контраста рубашку. Жилет отсутствовал; камзол был расстегнут на все пуговицы.

– Я же предупреждал, что ты заплатишь, – широко улыбнулся Рэм, поворачиваясь к двери спиной.

И стал неспешно стягивать с себя камзол, после чего отбросил его прямо на пол, точнее сказать на ковер.

– Собираешься взять меня силой? – полюбопытствовала я, склонив голову набок.

– Тебя-то? – фыркнул Рэм. – Хочу посмотреть на того, кто попытается взять тебя силой. Мне заранее его жаль.

Между тем его пальцы пробежали сверху вниз по пуговицам рубашки, потихоньку обнажая грудь и живот. Признаюсь, тут было на что посмотреть. Не без труда оторвавшись от зрелища, я метнулась к двери. Главное, не слишком торопиться: а то вдруг, чего доброго, успею!

Не успела. Рэм нагнал меня одним прыжком и оттеснил к стене.

– Не уйдешь, – покачал головой он, обнажая в наглой улыбке белоснежные зубы.

После чего поцеловал меня, продолжая прижимать к стене собственным телом.

Я ответила на поцелуй. Впилась в него губами горячо-горячо, будто не хотела отпускать никогда в жизни, а потом внезапно укусила за нижнюю губу. Рэм зашипел и отпрянул, поднеся руку ко рту, я же устремилась к выходу.

– Ах ты… – Следующее произнесенное миньоном слово было не самым интеллигентным.

Метнувшись следом, он схватил меня за запястье. Я вырвалась. Тогда он ускорил бег и обхватил двумя руками мою талию. Теперь я чуть не потеряла равновесие, покачнувшись на каблуках. И потеряла бы, если бы не все те же крепко держащие руки. Меня снова вернули к стене.

На сей раз Рэм поостерегся приближаться к моим зубам. Вместо этого взял меня за подбородок, заставляя поднять голову выше, а потом впился губами в мою шею, не забывая при этом крепко удерживать на месте. Скользнул ниже, наткнулся на ткань и принялся бороться с платьем, опуская его и постепенно обнажая плечи. Шаль давно уже валялась на ковре. Рука Рэма беспардонно зашарила по моему телу, проникла под вырез платья и опустилась настолько глубоко, насколько то позволял корсет.

Я снова ощутила прежний древесный запах, немного дурманящий голову. Вдохнула поглубже. А потом, не подавая виду, что меня все устраивает, попыталась вырваться. Он удержал. Я продолжила борьбу. Ткань затрещала по швам.

– Если ты будешь сопротивляться, я порву тебе платье. – Теплое дыхание Рэма защекотало ухо. – Подумай сама, захочешь ли появиться в таком виде на людях. И что станет тогда с твоей репутацией.

У меня была масса возможных ответов на такую угрозу. Но я не стала озвучивать ни одного из них. Вместо этого прикусила губу и притихла в его руках, делая вид, что поддаюсь шантажу. При этом подняла на него взгляд, полный ненависти.

– Молодец, хорошая девочка, – прошептал Рэм, возобновив беспардонное изучение моего тела.

Его руки проникали под платье то спереди, то сзади. А поскольку моя спина чрезвычайно чувствительна, было очень непросто и дальше изображать ненависть, вместо того чтобы наброситься в свою очередь на Рэма.

– А теперь, – снова прошептал он мне в самое ухо, – ложись на ковер. И не вздумай сопротивляться. Ложись на спину и сама подними себе юбку.

Стрельнув на него злым взглядом, я исполнила приказ. Он удовлетворенно наблюдал за процессом, параллельно расстегивая брюки. Потом тоже опустился на ковер и навис надо мной.

Мое тело было готово к тому, чтобы его принять, так что это произошло практически мгновенно. Я не сопротивлялась, лежа бревно бревном. Но едва Рэм утратил бдительность – а это произошло чрезвычайно быстро – и, запрокинув голову, сделал глубокий вдох, как я воспользовалась ситуацией, сбросила его с себя, перекатилась на бок и вскочила на ноги. После чего опять рванула к выходу. Зарычав, Рэм бросился следом.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Альтинг – парламент. (Прим. автора.)

Купить: https://tellnovel.com/olga-kuno/grafinya-po-vyzovu-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити